

Заложники времени

Автор:

[Ян Мортимер](#)

Заложники времени

Ян Мортимер

Путешественники во времени

Что бы вы сделали, если бы точно знали, что чума заберет вас за ваши грехи через 6 дней? Героям этой книги был дан выбор: оставить все как есть, либо попытать удачу в других эпохах, просыпаясь каждый раз в совершенно чужом мире. Перед глазами читателя предстанут основные вехи истории человечества с их войнами, болезнями, реформами, чудесами и невзгодами.

Автор книги, Ян Мортимер, преподаватель Оксфордского университета, уже выпустивший целую серию исторических книг про Англию разных временных эпох необычайно ярко и точно описывает реалии другого века. Но что же ждет героев? Смогут ли они найти спасение, или, быть может, путешествие между жизнью и смертью таит в себе неведомый секрет, который откроется только в самом конце пути?

Ян Мортимер

Заложники времени

© Жирнов А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Эта книга посвящается моему сыну, Александру Мортимеру

Дом – это не место, но время

Благодарность

То, как этот роман был написан и опубликован, само по себе могло бы стать романом. Неоценимую помощь мне оказали мои редакторы: Клер Хэй, Джо Дикинсон и Карла Джозефсон, а также мой агент, Джорджина Кэпел. Я бесконечно благодарен всем им за терпение, советы и уверенность в успехе. Мне очень помогли мои братья, Роберт и Дэвид Мортимер; преподобный Саймон Франклин (который героически сражался с рукописью, где все средневековые диалоги были приведены на девонском диалекте); Джон Аллан; Энди Гарднер; Поппи Берджесс; Майк Грейди; Ян и Пэм Мерсер; Никки Ходжес; Джеймс Киднер и Стюарт Уильямс – а также множество тех, с кем я обсуждал эту идею в течение десяти, а то и двенадцати лет. Прошу прощения, если я забыл, что именно сказали вы, что сказал я, как вас звали и что вы заказывали в баре. Извините, если я испортил вам все впечатление, рассказав, чем все закончится. Были моменты, когда мой энтузиазм возрастал настолько, что я уже не мог удержаться. Работа над этой книгой стала моей страстью. И я бесконечно благодарен тем, кто был рядом со мной в это время. Спасибо вам за вашу поддержку.

Особо мне хотелось бы поблагодарить мою жену, Софию. Без нее эта книга так и осталась бы простой болтовней в пабе. Она всегда была рядом, она стала моим верным спутником, когда я отправился прочь из своего времени и оказался в самом негостеприимном месте – в далеком прошлом.

Ян Мортимер

Мортонхэмпстед, 25 ноября 2016 года

I

Вторник, 16 декабря 1348

Главное, что вам нужно понять: что такое – продать свою душу. Для этого вовсе не обязательно пожимать руку некоей туманной фигуре или обмениваться обещаниями с пылающим кустом. Что вы продаете? Вы этого не знаете. Кому вы собираетесь это продать? Опять же неизвестно. Вы знаете только одно: ваше желание предложить на продажу эту непонятную сущность продиктовано непреодолимым желанием вопить. Вам хочется завопить так громко, чтобы разрушить оковы времени.

Именно это я и чувствую – и чувствовал каждый день с того момента, когда впервые увидел смертельную работу чумы. Когда я оглядываюсь на пройденный путь и не вижу там ни единой души, во мне возникает желание кричать. Глядя на далекие холмы, где некогда царили мир и благоволение, я вспоминаю жуткую тишину: заброшенные фермы и дома, скелеты животных, мертвые тела детей и их родителей... Нет благодати. Нет жизни в глазах. И когда мы приближаемся к облетевшему дубу на окраине Хонитона и к постоялому двору под этим могучим деревом, желание кричать и рыдать становится непреодолимым.

Когда я был здесь в последний раз, за три дня до Михайлова дня, в зале звучала веселая музыка. С того дня не прошло и трех месяцев. Я останавливаюсь, бросаю свою суму на землю и закрываю лицо руками. Я шепчу имена моих умерших родителей. Мой брат Уильям поворачивается и потирает меня. «Ты медленнее покойников», – шутит он. Я отнимаю руки от лица и гляжу на него, а потом подхватываю суму и снова пускаюсь в путь. Но в душе моей все кричит. Я не могу рассказать миру о своих чувствах, потому что вокруг нас все мертво. И душа наша тоже умирает.

Я оглядываюсь на безжизненный дуб и вспоминаю тот день, ту музыку и веселье. В тот день мы проезжали через этот город и видели, как девушки и женщины пляшут с мужчинами, как развеваются на ветру их распущенные волосы. У каждой был свой избранник. Любовь светилась в их глазах, когда они

оказывались рядом. Они и нам улыбались, словно понимали, что мы, чужаки, заметив их улыбки, узнаем тайны их сердец. Я вспоминаю, как распевал веселые песни, опрокидывая одну кружку эля за другой и позабыв, что мы с Уильямом собирались выехать в Солсбери пораньше. Теперь же, глядя на могучее дерево, я думаю, сколько этих женщин умерло. Зима обрушилась на нас дважды. Сначала она заморозила нас декабрьским холодом: голые ветки на фоне пасмурного неба, короткие дни, замерзшие лужи на обочинах дорог. А потом она вернулась вороньим граем ледяного отчаяния и ощущением того, что весна больше никогда не наступит. В прошлом году все было иначе... Теперь же зима пришла навсегда, и время остановилось.

Время шло, когда в рыночном городке Хонитоне царили цвет и движение. В базарные дни здесь собирались люди в охристых, коричневых, серых и красных одеждах, разнообразных капюшонах и шляпах. Если на мгновение прищуриться, то размытая картина напоминала улей – человеческая толпа уподоблялась деловитым пчелам. Среди снующих по своим делам людей всегда кто-то замирал на месте: глашатай сообщал новости, монах в черном капюшоне рассказывал группе юношей о том, как их души могут попасть в царствие небесное. Сегодня не было ни глашатаев, ни монахов, ни заблудших душ. Не было даже торговцев – мясники и пирожники не кивали прохожим, не протягивали рук за серебряными пенни, не поворачивались к следующим покупателям. Гравий и грязные лужи были засыпаны сухими листьями. Под длинным прилавком сломались козлы, и теперь он валялся на боку – последний базарный день был давным-давно. Он походил на старого, сгорбленного могильщика возле могилы давным-давно позабытого человека.

Мы с Уильямом ехали через город. Было еще довольно рано, третий час после рассвета, но после бессонной ночи, проведенной под каплями, падающими с деревьев, у нас не осталось сил. Ставни во всех домах были закрыты, словно горожане еще не проснулись.

– Как думаешь, сколько трупов мы увидим сегодня? – спросил Уильям, поправляя дорожную суму на плече. – Бьюсь об заклад, больше, чем вчера. Что скажешь, Джон? Больше шести? Поцелуй сладких губ Элизабет Таппер и кружка ее лучшего эля тому, кто насчитает больше трупов в этой части Уимпла!

Я посмотрел на брата, но не ответил. Я смотрел на золотое кольцо с гранатом, с которым он не расставался, резонно полагая его самым драгоценным своим имуществом. Похоже, он думает, что для нас жизнь не изменилась – только для

несчастливых жертв.

– Смелее, братец! – подбодрил меня Уильям. – Отвечай же! Ты же еще не умер! Ты так мрачен, что тебя можно принять за Ноя в ковчеге в тот момент, когда он понял, что забыл взять коров.

– Не шути так, Уильям. Это и правда второй потоп. Господь очищает землю. Не водой, а чумой. Разве ты не видишь?

– Не дури, Джон. Я вижу то же, что и ты, не больше и не меньше. Но ты слишком ограничен. Эта чума – не Божий промысел. Мы с тобой видели маленьких детей, даже младенцев. И все они валялись у дороги, сплошь покрытые черными пятнами. За что Господу наказывать их? Они не успели согрешить. И чума – это не кара Божья за грехи. Это дело рук дьявола, и я не собираюсь замирать в благоговении.

Я тяжело вздохнул.

– Уильям, дьявол – вассал Бога и делает только то, что приказывает ему Господь всемогущий. Если Бог хочет очистить этот край от грешников, дьявол берется за дело. Те, кто не ходит в церковь...

Уильям прервал меня, подняв руку.

Прямо на земле среди камней лежал седобородый мужчина лет пятидесяти. Голова его была повернута набок. У основания шеи мы увидели здоровенную черную опухоль размером с два кулака, сжимавшую его горло. Рот мужчины был полуоткрыт. Белизна зубов привлекала внимание к двум отсутствующим. Уильям наступил на плащ бедняги – ткань задубела на морозе. Колени мужчины были покрыты грязью. Кошель с пояса уже кто-то срезал. Глаза замерзли и стали матово-белыми.

Обычно, находя мертвеца, мы извещали об этом констебля, но сегодня в этом не было смысла.

– Не красавец, – заметил Уильям, отворачиваясь от трупа.

– Ему еще повезло, – ответил я, пускаясь в путь и почесывая подмышку.

– Повезло? Послушай, брат, если такую судьбу считать везением, то мою лошадь можно назвать знатоком латыни. Чем же это ему повезло?

– Он лежит лицом вниз. Он не мучился много дней, обливаясь потом и страдая от боли. Он шел до последней минуты, а потом упал и умер. Он чистил зубы каракатицами, значит, был человеком состоятельным. А его плащ – даже ты гордился бы таким одеянием! И посмотри, где его кошель? Тот, кто срезал кошель с его пояса, нашел там не пару монет, а много – достаточно, чтобы рискнуть жизнью: ведь, срезая кошель, он сам мог заразиться. Так что, брат мой, могу сказать, что этот богатый человек, неожиданно сраженный болезнью, рухнул и умер быстро. Разве он не счастливец?

Уильям покачал головой.

– Тебе не следует так пристально изучать смертные муки чужих людей, Джон. Пусть мертвецы страдают сами по себе.

Что я мог на это ответить? Этот мертвец был одним из немногих, кого мне не было жаль. Я плакал по живым. За живых болело мое сердце. Я думал, что после сражений во Франции мне больше не доведется видеть массовых захоронений. Я думал, что там я в последний раз видел покрытые засохшей кровью тела, сваленные в ямы, над которыми роились мухи. Но смерть настигла нас и здесь. Я видел ее в не закрытых после заката ставнями окнах. Я видел ее за ставнями, которые и после рассвета оставались закрытыми. Я видел ее в лодке, плывшей по реке, стучаясь о берега и мели: хозяин ее неподвижным кулем лежал на дне. Проходя мимо церкви в Сомерсете, где родители хоронили свое дитя, я слышал голос смерти. Этим голосом была тишина: колокола не звонили по мертвому мальчику. Даже звон погребального колокола был голосом жизни. Сегодня же в последний путь мертвых провожают только наши скорбные мысли. А потом мы движемся дальше и забываем их – и даже безмолвные колокола наших мыслей не провожают их.

В шести милях от Хонитона мы остановились, чтобы перекусить черствым хлебом и сыром. Мы ели в молчании. Примерно в пятидесяти ярдах от дороги я заметил еще одного мертвеца. На нем была охристая туника. Он, скорчившись, лежал посреди вспаханного поля, настолько сливаясь с землей, что поначалу мы

его даже не заметили. Только когда на него спикировала ворона, я обратил внимание на небольшой холмик и разглядел ногу и плечо мужчины.

Уильям вытер рот и поднял свою суму.

– Пошли?

Я видел, как ворона поднялась и полетела прочь. Я смотрел на замерзшую красную землю, серое небо, труп посреди поля и гадал, не постигнет ли и нас та же судьба. Кто похоронит этого человека, когда чума кончится? Его труп будет лежать здесь, медленно погружаясь в землю, потом пойдут дожди, и дикие кабаны и другие звери найдут тело и растащат кости. Если лиса утащит череп в лес, то крестьянин, который наткнется на эти останки, вспахивая поле, даже не поймет, принадлежали ли они человеку или зверю.

Я подхватил свою суму и пошел вслед за Уильямом.

Кем был тот человек на поле? Простой, безымянной вещью. Мне казалось, что я сжимаю голову руками – только щеки мои сжимали не руки, а две недели постоянного страха. Может быть, я сошел с ума? Но разве можно в эти дни сохранить рассудок? Сдерживаться мне помогало только одно – я понимал, что не могу позволить своей жене, Кэтрин, увидеть меня в таком состоянии. Я твердил себе, что нужно идти быстрее и дышать дарованным мне Богом воздухом, чтобы вернуться к ней.

В Солсбери жил еще один резчик по камню, Джон, Джон Комб. Он подхватил чуму одним из первых в городе. До болезни Джон был человеком разговорчивым и трудолюбивым. Он вечно крутил в руках свой резец, подбрасывал и ловил его. Но за неделю до этого на стройке объявили перерыв, и он не ходил на работу. Когда же он вернулся, то был мрачным и рассеянным. Он три или четыре раза ударял своим резцом, а потом замирал на месте. Однажды, когда мы работали рядом, я заметил его отсутствующий взгляд и спросил, что его беспокоит. Помолчав, он сказал мне, что несколько дней назад заметил болезненную припухлость под правой рукой и понял, что это чума. Он сразу же ушел из собора и направился на север, к Великому кругу. Дошел он туда почти в темноте. Джон бродил вокруг камней и молился Богу, дьяволу, любому, кто мог услышать и спасти его. И когда он стоял там, то неожиданно почувствовал, как кто-то очень сильный обхватил его сзади и зажал ему рот, чтобы он не закричал.

А потом он слышал зловещий шепот: согласен ли он продать свою вечную душу в обмен на выздоровление смертного тела и долгую жизнь? Или лучше ему будет умереть на дороге, возвращаясь в Солсбери? Джон ответил, что готов продать душу. Хватка ослабела. Через два дня после нашего разговора Джон поскользнулся на мокрых деревянных лесах и упал с высоты восьмидесяти футов. Я видел это с земли. Тело Джона дважды ударилось о леса, а потом тяжело рухнуло на землю. Я был уверен, что он погиб, но он всего лишь сломал правую руку и ребро. Костоправ сказал, что с ребром сделать ничего не может, но для жизни это неопасно. А рука быстро заживет, потому что перелом несложный. Все твердили, что выжить Джону удалось лишь чудом.

Уильям обернулся и сказал:

– Давай заглянем к Элизабет Таппер. Думаю, ее посетит[1 - Горячий напиток из подслащенного молока с пряностями, створоженного вином или элем (примеч. пер.).] пойдет нам на пользу.

Я следил за движениями его плеч и головы, меня зачаровывала его целеустремленная походка человека, привыкшего делать то, что ему захочется. Я был не в восторге от его предложения. У Элизабет было двое детей, а мужа никогда не было. А ведь всем известно, что чума в первую очередь поражает грешников. Уильям относился к Элизабет с той же добротой, что и к другим женщинам. Честно говоря, он щедр по отношению ко всем, не только к женщинам. Но я не понимал, почему он поддается своей порочной натуре и навлекает проклятие на наши головы.

Да, конечно, я все знаю. Уильям скажет, что в этом-то и заключена разница между нами: он считает, что законы пишутся людьми, а не Богом, и в глазах Господа нет греха в нарушении человеческих законов, поскольку законы эти – вещь чисто земная и светская. Уильям считает, что Библию написали люди и люди же ее толкуют, поэтому нарушение записанных в ней законов не является преступлением против Бога. А в Ветхом Завете говорится, что многие великие, святые люди имели много жен. Он говорит, что грешник, который знает, что поступает греховно, верит, что попадет в ад, и ад будет ему по вере его. Человек же, который согрешил случайно, имея чистые намерения, ничем не пятнает души своей.

Я с Уильямом не согласен. Я верю, что Бог создал этот мир таким, каким хотел его видеть. И если человек пятнает мир Божий своими грехами, то мир будет

запятнан – даже если грешник не собирался сбиваться с пути праведного. Да, конечно, Элизабет Таппер – женщина привлекательная, хотя ей уже больше тридцати. Но если Бог хранит ее красоту, то делает это для мужа, а не для путников, которые забредают к ней с несколькими монетами в кармане. О ней и детях должен заботиться честный человек, а не какие-то сомнительные бродяги.

Но я ничего не сказал. Я и сам не ангел. Несколько лет назад, когда я работал на строительстве собора, в Эксетер приехал Уильям, и мы с ним отправились на постоянный двор «Медведь» возле Южных ворот. В тот вечер мы страшно напились, а потом прямо при свечах произошел акт физической любви, о котором я всегда сожалел. Для меня тот вечер был цветком времени. Зеленая невинность дала бутон желания, который за несколько часов распустился и мгновенно увял, превратившись в отвратительную слизь.

А в тот момент мне хотелось только одного: оказаться дома, рядом с моей Кэтрин, у нашего очага, где весело потрескивают поленья. Мне хотелось рассказать ей о том, что я чувствовал, бродя по миру, охваченному чумой. Я хотел поделиться с ней всем. Я хотел, чтобы она рассказала мне о своих чувствах. Я хотел, чтобы наши страдающие сердца утешили друг друга и слились в нежном объятии. Я хотел, чтобы величайшие испытания мы встретили вместе, а не порознь.

Небольшой дом Элизабет Таппер располагался чуть в стороне от дороги. Он был построен в старинном стиле: две изогнутые балки располагались по обе стороны крыши. Вблизи было видно, что основание стен, где бревна входили в землю, уже тронуты гнилью. Да и побелку стоило бы обновить. Кое-где солома провалилась внутрь, в других местах – поросла мхом. Крыша наверняка течет. Большинство девонцев давно снесли бы такой дом до основания и построили новый, с квадратным деревянным каркасом на каменном фундаменте и прочными, теплыми стенами. Но у Элизабет не было денег, а бейлиф не знал жалости. Она и жила-то здесь, на самой окраине поместья, потому что ее не хотели видеть в деревне.

Но должен признать: у нее отличный, ухоженный огород – много капусты, порея, высокие стебли лука и бобов. Такой запас сегодня должен быть у каждого: в конце лета урожай может мгновенно погибнуть, а зимы становятся все более суровыми. Огород может стать для семьи настоящим спасением.

Уильям вошел в дом первым, а я остановился, чтобы полюбоваться огородом. И тут я услышал его крик.

Такой крик я слышал лишь раз в жизни, много месяцев назад. Тогда, в день нашей победы при Кресси, Уильям кричал над телом своего друга. Уильям не любит показывать своих чувств никому и, уж конечно, своему младшему брату. Свою боль он держит в себе.

Я вбежал в дом. Там было темно, пахло дымом, прокисшим элем, луком и беконом. И еще сухой лавандой, которую для аромата добавляли в камыш на полу. Привыкнув к темноте, я увидел в конце зала перегородку. Дверь вела во внутренние помещения. Там неподвижно стоял Уильям. А рядом с ним женщина, почти такого же роста, как и он. Я даже не думал, что Элизабет такая высокая. Но потом я понял, что она не двигается. Она стояла совершенно неподвижно, опустив руки и склонив голову набок под странным углом.

Ноги ее висели в четырех дюймах от земли. В четырех дюймах. Всего ладонь отделяла жизнь от смерти.

Я сразу же подумал, что ее ограбили или изнасиловали и убили, повесив на балке собственного дома. Но у нее нечего было взять. Она была самой обычной женщиной – кому понадобилось убивать ее. А потом я спросил себя: где же ее дети?

Я подошел ближе. Глаза Элизабет были открыты, они смотрели в вечность, вошедшую в ее дом. Я перекрестился и прочитал молитву за ее душу, а потом еще одну, за собственную жену и детей.

Порыв ветра качнул дверь. Она заскрипела и почти закрылась. Прислоненная к стене щетка упала на пол. Я подошел к двери, поднял щетку и подпер дверь поленом, чтобы она не закрывалась, – иначе в комнате было слишком темно.

Уильям не двигался. Он сам окаменел, как труп. Я подошел к очагу и наклонился пощупать пепел: он все еще был теплым. Я слышал, как молился Уильям: «Benedicat vos omnipotens Deus Pater et Filius et Spiritus Sanctus». Приходский священник учил нас молитвам. Уильям перекрестился. Я тоже. Мы хором произнесли: «Аминь».

Впервые за много дней я почувствовал, что мы вместе. Да, мы стоим на краю обрыва темной ночью, мы смотрим в тот же вечный мрак, что и Элизабет Таппер, но мы вместе.

Уильям вошел в комнату, я следом за ним. Мы увидели детей Элизабет. Старшему было семь, младшему пять. Они лежали рядом, на старом соломенном матрасе. В ставнях были широкие щели, и мы увидели, что лица детей покрыты пятнами, а глаза закрыты. Мать выпрямила им ручки и ножки. Она оставалась с ними до самого конца, а потом лишила себя жизни. Рядом с матрасом все еще стояла плошка с недопитым овсяным отваром.

Я выскочил в зал, где воздух был чище. Я мог думать только о собственной семье – до дома был еще целый день ходу. Что ждет меня, когда я открою дверь своего дома? А вдруг и Кэтрин висит на балке, как несчастная Элизабет? Вдруг веревка уже охватила ее белую шею? Вдруг ее руки, глаза и сердце уже пусты? Мысленно я увидел, как она висит в воздухе, как безжизненный мешок плоти. А вдруг мои сыновья, Уильям, Джон и Джеймс, лежат мертвые в своих кроватках, а лица их покрыты пятнами? Я вспомнил их волосы и глаза, в ушах зазвучали их голоса. Если они мертвы, то не захочу ли и я свести счеты с жизнью?

Какой-то звук отвлек меня от этих мыслей. Я увидел, что Уильям двигает скамейку. Он встал на нее, снял с балки солидный окорок и засунул его в дорожную суму.

– Ради всего святого, Уильям! Имей же уважение!

– Если я этого не сделаю, это сделает кто-то другой, – ответил брат. – Добрая еда – для живых, а не для воров и червей. – Он застегнул суму и выставил ее за дверь. – Кроме того, если ты винишь меня в неуважении, то что скажешь насчет чумы? Какое уважение Бог проявил к Элизабет и ее детям? Разве он не оскорбил их?

– Это богохульство!

– Оставь свое благочестивое занудство, Джон, меня от него тошнит. Лучше помоги мне ее снять.

По тому, как Уильям смотрел на нее, я понял, что ему нет дела до того, что она была шлюхой. Он жалел ее, несмотря ни на что.

Я подошел, обхватил тело и приподнял его, а Уильям отвязал веревку. Мне было грустно. Руки и ноги Элизабет окостенели, а кожа напоминала остывший воск. Уильям спустился со скамьи, и мы опустили ее на пол, а потом перенесли в комнату. Ее волосы рассыпались по моим рукам. Мы положили ее на пол, рядом с детьми, встали в изножье и прочли молитвы.

Помолчав, Уильям сказал:

– Часа через три стемнеет, а до Эксетера еще шесть миль.

Я смотрел на тела, охваченный глубокой жалостью.

– Джон, если бы я мог, я бы похоронил их всех. Но...

Я знал. Во имя Христа... Я знал.

Я вышел из дома и остановился, судорожно вдыхая свежий воздух. Уильям вышел следом за мной. Я смотрел в небо и мысленно твердил себе: «Мы все хотим поступать правильно. Но... Но... НО... Этим коротким, незаконченным предложением все было сказано. Жизнь будет продолжаться – но... Праведнику нечего бояться – но... Не укради, но... Почитай отца и мать твою, пока они не умрут от чумы. Хорони мертвых, как подобает, но только если у них под мышками и на шее нет черных опухолей, и если они не утопились и не повесились, потому что дети их умерли от чумы.

Я чувствовал, что слезы текут по щекам. Разозлившись на себя, я вытер глаза рукавом.

– Не бойся слез, брат. Дай волю горю...

Я глубоко вздохнул и отвернулся.

– Однажды я познакомился с моряком. Он рассказал, что его корабль штормом унесло в открытое море. Берегов не было видно. Мачта сломалась, и три недели

корабль дрейфовал в море. Моряки умирали один за другим. Тот человек сказал мне, что умирали они не от голода и не от волн. Их убивала мысль о том, что они никогда больше не увидят земли. Эта мысль, как зверь, впивалась в их души и постепенно высасывала из них волю к жизни. Она разрушала их связь с жизнью. И я сейчас чувствую то же самое.

Уильям обнял меня за плечи и прижался лбом к моему лбу.

– Ты помнишь нашего отца на смертном одре?

Я кивнул. В то время мне было не больше двенадцати, но я до мелочей помнил, как он кашлял и корчился в постели на нашей мельнице в Кренбруке, где сейчас живет наш старший брат. Когда священник соборовал его, отец сорвал с себя ночную рубашку и объявил, что пойдет на прогулку. Он засмеялся и упал навзничь. Так он умер.

– Иногда я говорю странные вещи, словно безумный... Вот я спросил тебя, сколько трупов мы увидим... Все то, чего мы не в силах вынести, мы складываем в корзину безумия. Таким был и его последний смех.

Слова Уильяма удивили меня, и я решил обдумать их позднее.

– Пошли, – сказал он, взваливая на плечо дорожную суму. – Мы ей больше не нужны.

Через два часа стало еще холоднее, пошел неприятный дождь. Начало темнеть. Но сквозь тучи все же пробился последний луч солнца, разбросавший яркие пятна по сумрачному пейзажу. Солнце отразилось от камней на зеленом кургане, и мы сразу же увидели еще два мертвых тела.

Казалось, что мужчина до самой своей смерти стоял на коленях. На нем была черная мантия, подбитая мехом, и черная меховая шапка. Красная туника, видневшаяся из-под мантии, была выкрашена не соком марены, как это делают простые люди, но каким-то более ярким красителем. Чулки тоже были дорогими – черными, а не темно-серыми. Я удивился, почему такой человек стоял на коленях, словно бил челом всем прохожим.

Примерно в десяти футах от него лежало тело его юной жены. Белая туника была расшита зеленью и золотом. Светлые волосы и черная дорожная мантия сразу же привлекали внимание чистотой и качеством. Они резко контрастировали с темными отеками и красными кровеносными сосудами, ярко выделявшимися на фоне бледной кожи. В последнюю минуту жизни женщина откинула голову назад, подставив шею небесам и воронам. Я поразился тому, как такая красота могла подвергнуться столь жестокому поруганию. Рот женщины был раскрыт, глаза еще не замерзли. Взгляд был настолько пустым, что выражение лица женщины было сродни экстазу. Она была настолько красива, что мне захотелось запомнить ее, чтобы потом изобразить в своих барельефах. Но почему она умерла там же, где и ее муж? Почему она не пошла дальше? А если она умерла первой, то почему он остался здесь?

Рядом с рукой женщины я заметил серебряное распятие на янтарных четках. К поясу на длинном кожаном ремешке была прикреплена небольшая книжка.

Я все еще раздумывал над тайной этой смерти, когда неожиданно увидел, что рука женщины зашевелилась. Я подскочил на месте от отвращения. Эта женщина мертва – мертва, как любой, пораженный чумой. Я взглянул на Уильяма, но он, столь же пораженный, смотрел на меня.

И тут мы услышали плач младенца.

Теперь я все понял. Купец, стоящий на коленях, знал, что его мертвое тело никто не заметит. И только поза сможет привлечь внимание. И он умер на коленях, моля о помощи тех, кто окажется на дороге – о помощи не для себя и даже не для своей жены, но для младенца. Женщина умерла рядом с мужем, не потому что не хотела покидать его. Наоборот. Она знала, что умирает. Они оба надеялись, что их тела привлекут внимание к ребенку. Я понял, что она прижимала ребенка к себе, до последней минуты согревая его теплом своего умирающего тела.

Палкой я приподнял край мантии умершей женщины. Ребенок был черноволосым, как и его отец. Ему было не более трех месяцев. Он был привязан к доске-качалке и завернут в белые пеленки. Он был голоден и вертел головой в поисках материнской груди.

– Брось его! – крикнул Уильям с выражением злости и страха на лице. Я лишь однажды видел его таким – когда капитаны утратили контроль над армией и мы ворвались в Кан, вступив в безумную схватку с жителями города. – Брось его!

Ребенок плакал. Брат кричал. Но я почему-то был удивительно спокоен.

– Это невинный младенец, Уильям. Он умрет, если мы его бросим.

– Да, он умрет! И ты тоже, если коснешься его! Ты умрешь так же, как его мать и отец.

– Нет, Уильям, – покачал головой я.

– Ради всего святого, Джон! Ты же видел ямы в Солсбери! Груды тел прямо на земле – их так много, что невозможно сосчитать. Ты ощущал отвратительный смрад разложения! Через пару дней эти люди станут такими же – их тела сгниют, как тухлое мясо. Ты хочешь, чтобы тебя постигла та же судьба?

– И ты можешь поступить так, Уильям? – спросил я, пытаюсь разглядеть лицо брата. – Ты позволишь христианской душе погибнуть на дороге? Невинному младенцу? Что ты за человек?! Как ты можешь стоять здесь и судить малого сего?

Ветер шумел в кронах деревьев. Уильям молчал.

– Где тот отважный пикинер, который сражался во Франции рядом с королем? – взывал я. – Где тот человек – я так гордился называть его своим братом... А сейчас... посмотри на себя: куда делась твоя смелость перед лицом этой болезни?

Я снова слышал плач младенца.

– Сладким именем Иисуса, Уильям, заклинаю тебя, вспомни: в свой тягчайший час мы должны заботиться друг о друге. А ты хочешь бросить ближнего своего...

Уильям указал на младенца, лежавшего под рукой мертвой матери.

– Коснись его, и я буду твоим братом только по имени...

– Ты ханжа, Уильям! Мы с тобой оба касались тела Элизабет Таппер. Ты забрал окорок из ее дома. Мы с тобой вместе вынули ее из петли!

– Она повесилась сама! Она не была больна!

– Откуда ты знаешь? Она ухаживала за сыновьями, а они были больны. Умирая, она могла быть такой же больной, как и они. А может быть, она была здорова, как ты и думаешь. И этот ребенок тоже может быть здоровым. Я знаю лишь одно: она не видела в этом мире ничего, ради чего стоило бы жить. Но у этого ребенка есть шанс. Мы с тобой – мы его шанс. Если ты окажешься трусом, этот ребенок умрет, а мы с тобой станем его убийцами.

Я еще раз посмотрел на тело мертвой женщины и решился. Я подошел ближе и потянулся к плачущему младенцу.

– Нет, Джон! Оставь его!

Я не обратил на слова Уильяма внимания, обеими руками взялся за доску-качалку и осторожно вытащил младенца из-под матери. Труп повалился на траву, словно избавившись от тяжелого груза ответственности. Привязанный к доске младенец мог лишь крутить головой и плакать. Он молил о еде и тепле – и о человеческой доброте. И только это я мог дать ему сейчас. Детский плач, а не слова – вот истинный звук человечности. Он так же близок нам, как песни для птиц. Я вспоминал плач собственных детей в момент рождения. Двое умерли в младенчестве, трое, слава богу, еще живы. И плач этого младенца напомнил мне о них. Я заглянул ребенку в глаза. Они блестели от слез. Я понял, что если сейчас оставлю этого малыша, то откажусь от всего, что заставляет меня верить в себя, считать себя отцом и человеком.

Взяв малыша на руки и пытаюсь согреть его своим телом, я поспешил прочь от мертвецов.

– Вот, наградил же Господь братцем, – вздохнул Уильям.

Мы замолчали. Тишину нарушал лишь отчаянный плач младенца и вой ветра в ветвях деревьев. Младенец то захлебывался плачем, то смолкал, а потом начинал кричать с еще большей силой. Он был голоден и страдал от боли.

– Ради всего святого, Джон, это безумие! Но, может быть, ты и есть безумец. Наш старший брат унаследовал отцовскую землю, я – его силу, чувство юмора и купеческий талант. Ты меня знаешь: я никогда ни за что не переплачиваю, будь то шерсть или кружка эля. Но ты? Что унаследовал ты? Ничего! Ты мягкотелый, слабый, ворчливый. Ты слишком уж полагаешься на Бога. Эти мертвые богатеи из города при жизни не дали бы тебе и фартинга. Зачем же ты рискуешь собственной жизнью ради их ребенка? Бог сделал их богатыми. Тебя он богатым не сделал. Он даровал тебе лишь умение резцом делать камни прекрасными. А потом пришла чума, и у тебя больше не будет работы – не будет собора. И церкви в Солсбери. И никому больше не требуются стригали. И шерсть. Мы будем голодать в окружении мертвецов. Ты готов рискнуть заражением – и погибнуть. Я не могу так рисковать – я не могу оставаться с тобой.

Ребенок все еще плакал. Почувствовав тепло моего тела, он умолк и попытался найти источник молока, но, ничего не найдя, закричал с удвоенной силой. Брат потряс головой и отвернулся. Он сделал несколько шагов и повернулся, чтобы сказать что-то еще, но я опередил его:

– Ты никогда не думал, как мало сделал, чтобы заслужить царствие небесное? Даже сейчас ты думаешь только о деньгах! Неужели ты не понимаешь? Что ты за человек? Какое твое доброе дело позволит заслужить вечное блаженство? Я поклоняюсь Господу своими резцами. Я стараюсь быть хорошим мужем и отцом, хорошим братом тебе и Саймону. Но в Евангелии сказано, что Иисус бродил среди больных и умирающих – не среди здоровых. Он не боялся.

– Он был сыном Божиим!

– Но он был и человеком тоже! Разве нет? И он пришел явить нам пример! Разве нет! – Я указал на мертвецов. – Представь, что эти мужчина и женщина Иосиф и Благословенная Дева Мария на пути в Египет. А это – их младенец. Ты и тогда сказал бы, что мы должны оставить их дитя умирать?

– Если бы перед нами лежали Иосиф и Мария, а это не так, я сказал бы то же самое. Оставь их ребенка!

– Ты убил бы Христа и лишил бы сотни тысяч невинных душ вечного спасения, чтобы не рисковать собственной шкурой?! Какая жалкая трусость! Ты презрен в глазах Господа! И тебе хватает наглости заявлять мне, что я ничего не унаследовал от нашего отца?! Ради всего святого, Уильям, я знаю, что я унаследовал: его доброту! Когда он зачал меня, я унаследовал его моральную силу и любовь к соотечественникам. Я никогда не променяю эти добродетели на твою деловую сметку, твоих овец и добрых вдов. И если бы этого ребенка сейчас держал ты, а не я, я бы не отрекся от тебя так, как ты сейчас отрекаешься от меня. Я сказал бы: «Уильям, я понимаю твое призвание. Может быть, я его и не слышу, но я помогу тебе нести это бремя». И я буду помогать, несмотря ни на что – не потому что я нуждаюсь в твоей помощи сейчас, а потому что ты – мой брат. И ты всегда будешь моим братом!

И с этими словами я пустился в путь. Не успел я сделать и двадцати шагов, как услышал, что Уильям зовет меня. Я не обернулся.

Он позвал меня снова, но я продолжал идти.

Он поспешил за мной, выкликая мое имя.

В конце концов, через несколько сотен ярдов я сдался. Я повернулся и увидел, как он спешит за мной, держа в одной руке дорожную суму, а в другой что-то еще.

– Ребенок должен унаследовать деньги своего отца, – сказал он. – И ты тоже. Ребенку это понадобится.

Уильям протянул мне кошель, книжку и распятие на янтарных четках.

– Если эту чуму послал Господь, Джон, то он тебя благословит. Ты трудился над камнями дома Господнего. Твои молитвы сильнее моих. Но я не верю в то, что Бог спас это дитя, и я боюсь за тебя. Не думай, что я не люблю тебя, своего брата.

Я кивком поблагодарил его.

– Может быть, когда-нибудь ребенок это прочтет, – добавил он, опуская глаза на книгу. – И я бы мог помочь ему.

– Это было бы хорошо.

– Книга всегда стоит дорого. В Оксфорде тебе заплатили бы за нее не меньше пяти шиллингов.

За пять шиллингов – шестьдесят пенсов – мне пришлось бы в самые лучшие времена работать дней десять. А статуи заказывают нечасто. Чаще всего приходится заниматься простой работой каменщика или работать над сводами, а за это платят всего четыре пенса в день. Я положил младенца на землю, открыл свою суму и убрал кошель, распятие и книгу. А потом я туго затянул веревки, взвалил суму на плечо и поднял ребенка.

Небо помрачнело еще больше.

– Где нам найти кормилицу? – спросил я, пытаюсь успокоить младенца, дав ему вместо соски собственный палец. Ребенок на мгновение смолк, а потом снова разразился слезами.

– Помнишь Сюзанну, дочь кузнеца Ричарда из прихода Сент-Бартоломью? Она живет неподалеку от аббатства. Но прошло два месяца – не знаю, жива ли она и ее сын.

Крики младенца становились все громче.

– Ты пойдешь со мной?

– Это было бы глупо...

– А разве Господь спасает мудрых? Ты думаешь, что все те мертвецы, которых мы видели сегодня, были глупцами?

– Кто знает? – Уильям закрыл глаза, закинул голову и выкрикнул прямо в небеса: – Господь, укажи мне путь?

– Если сомневаешься, Уильям, и не можешь найти верного пути, не спрашивай у Христа, что тебе делать. Делай то, во что ты веришь. Он поступил бы так.

Уильям посмотрел на меня. И мы двинулись в путь.

Я поражался, как у ребенка хватает сил столько кричать, какую жалость он у меня вызывает, как он пытается найти хоть какую-то пищу. Но я больше не мог относиться к нему как к чему-то безличному. Это мальчик или девочка. Я решил, что это мальчик, и задумался, какое имя подошло бы ему. И мгновенно мне пришло в голову имя Лазарь – ведь младенец этот буквально восстал из мертвых. А сегодня еще и канун дня святого Лазаря. Но маленький Лазарь продолжал отчаянно кричать, взывая к холодному миру, потом он давился, сглатывал и снова начинал кричать. Как бы мне хотелось его утешить!

Когда так отчаянно кричал мой старший сын, Кэтрин давала ему хлеб, размоченный в теплом коровьем молоке, чтобы насытить его. Хотя молока у меня не было, я решил поступить так же. Я остановился на обочине и опустил ребенка, прислонив доску к стволу могучего дуба. Потом я достал из сумы хлеб, отломил небольшой кусок и смочил его элем из фляжки. А потом я положил хлеб в рот Лазаря – но он втянул воздух и не проглотил хлеб, а лишь заплакал еще более отчаянно.

– Он больше выплюнул, чем проглотил, – заметил Уильям, заглядывая мне через плечо.

– У тебя есть план получше?

– Нет. Из нас двоих у тебя явно больше опыта в общении с детьми.

Я еще раз попытался протолкнуть хлеб в ротик Лазаря, но тот стал кричать еще громче. Чувствовалось, что он уже охрип. Я добавил еще эля, но это не помогло. Лазарю явно нужно было молоко, но найти его здесь было невозможно – пришлось бы стучаться в чей-нибудь дом, а в такие времена никто не примет мужчину с младенцем. Я снова поднял ребенка, пристроил его на бедре и пошагал вперед.

– Что ж, ты хотя бы пытался, – сказал Уильям. – Уж не знаю, благословение это или проклятие, но ты действительно не осознаешь собственных возможностей.

Ну какой еще мужчина попытался бы накормить орущего младенца?

По обе стороны дороги тянулись холмистые поля. Разные оттенки соломы четко обозначали наделы и полосы. Кое-где урожай остался неубранным, колосья поникли и почернели. Но в большинстве мест чума разразилась уже после уборки урожая. Поля были пусты, никто не работал. Редкие странники, которых мы видели, сходили с дороги, чтобы не встретиться с нами. Ближе к городу мы встретили целую семью: женщина сидела в повозке, запряженной пони, а рядом с ней стояли два сундука со скарбом и лежал младенец. Старший мальчик вел пони под уздцы, еще четверо детей шли следом. Отца нигде не было видно. Когда мы приблизились, старший крикнул, и младшие быстро закрыли лица. Мать заметила Лазаря и перекрестилась.

На закате мы были все еще в миле от Эксетера. Странников стало больше – темные личности поодиночке и парами. Все скрывали свои лица под капюшонами. Мы встретили еще пару повозок. Люди, как тени, покидали город – настоящий исход торговцев и купцов. Но ни одного из них нельзя было назвать бедным – пешком не шел никто. Бедные остались в городе – кто-то надеялся разжиться в богатых домах, а кому-то просто некуда было идти.

– Во время чумы крик младенца подобен боевому кличу, – пробормотал Уильям.

– Мы скоро найдем кормилицу.

– Ворота будут закрыты. Нам лучше остановиться где-нибудь на ночлег. Или придется оставить ребенка где-нибудь, пока мы найдем место.

– В такой холод? Уильям, нет!

– И что же мы скажем? Мы не сможем подойти к воротам и попросить впустить нас с этим отродьем – он визжит, как свинья на убое.

– Мы скажем, что моя жена умерла в пути.

– Ты думаешь, стражники идиоты?

В этот момент крики Лазаря стихли. Инстинктивный плач лишил малыша последних сил, и через минуту он уже тихо спал.

– Он умер? – спросил Уильям.

Я уже собирался ответить, но тут впереди увидел несколько повозок, которые стояли возле огромной, длинной ямы у дороги. Яма была длиной в четыреста футов и в десять футов шириной и более всего напоминала котлован под строительство нового собора.

– Эта яма еще больше, чем в Солсбери, – сказал я. – Здесь можно похоронить тысячу человек.

– Три тысячи, если они положат их в три слоя, как в Солсбери.

И тут мы почувствовали ужасный смрад – словно от застоявшегося пруда, который погиб вместе со всеми растениями, водорослями и множеством населявших его рыб, жаб, угрей и мелких существ. Но это было гораздо хуже. Это был самый ужасный смрад – запах разлагающейся плоти тысяч мужчин, женщин и детей, запах гниения, исходящий от их изуродованных болезнью тел, запах их экскрементов и мочи, их нечистой одежды и смертного пота.

В сумерках могильщики казались призраками. Лица их были закутаны, руки замотаны тряпками. В каждой подъезжающей повозке было десять-двенадцать тел. Двое могильщиков поднимались на повозку и, стоя прямо на трупах, сгружали верхние тела тем, кто ожидал внизу. Те волочили трупы к яме и сбрасывали вниз, а там их уже укладывали рядами. Меня даже тронуло то, как аккуратно укладывают мертвые тела, но потом я вспомнил причину. После кровопролитного сражения в Кане нам тоже пришлось тщательно складывать трупы, потому что у нас не было времени копать глубокую яму. Эта тщательность не имела никакого отношения к уважению к мертвым.

К нам никто не подходил и не заговаривал. Меня мутило от запаха разложения, но я не мог оторвать глаз от этого зрелища: тела укладывали на тела. Я видел, как обнаженное тело молодой женщины выгрузили из повозки и опустили в яму. Я слышал, как могильщики отпускали непристойные замечания. Я думал, где лежит ее отец, может быть, в той же яме, и ее могут положить рядом с ним или прямо на тело чужого мужчины. Следующий труп бросили прямо на землю. Один

из могильщиков решил снять кольцо, но у него не получилось. Тогда он вытащил нож, отрезал палец и раздробил сустав. Сняв кольцо, он швырнул палец в яму. Кого и с кем хоронили, не имело значения. При жизни мы часто высказываем свои пожелания – чтобы нас похоронили в углу приходского кладбища, рядом с нашими предками. Сейчас же все эти пожелания рассыпались в прах, как листья на ветру.

Мы с Уильямом пошли дальше молча. Уже почти стемнело. Мы подошли к перекрестку в Сент-Сетивола, возле восточных ворот города. Температура стремительно падала. Поля подернулись инеем. На фоне темно-синего неба четко вырисовывались силуэты крепостных укреплений, а прямо перед воротами виднелись городские виселицы. Было странно видеть их пустыми. Обычно там болтался хотя бы один вор – в предостережение другим. И тут же мы почувствовали знакомую вонь городских сточных канав. То, что раньше вызывало тошноту, сейчас показалось утешительным признаком нормальности.

– Дай мне твой узел, – сказал Уильям. – И прикрой щетину капюшоном. Сейчас уже темно. Попробую сделать вид, что ты – моя жена.

– Черт тебя побери, Уильям, я не собираюсь этого делать!

– Нам нужно уговорить стражника, чтобы он впустил нас. Тебе никого не убедить в том, что это я – твоя жена. Так что ты либо принимаешь мой план, либо находишь женщину, которая сыграет для тебя эту роль. Попробуй – несложное дело здесь, за городскими стенами в сумерках и на морозе. Да еще возле чумной ямы!

Я отдал Уильяму свою дорожную суму, а сам обмотал лицо длинным лирипипом[2 - Деталь головного убора (обычно академической шапочки (примеч. пер.).] в виде кисточки. Свою родословную лирипип ведет от шаперона – капюшона с длинным шлыком. Название *liripipe* возникло от латинского «*clericalium*» (головной убор католического духовенства).

Уильям изо всех сил заколотил в ворота с криком:

– Открой, мастер привратник! Открой!

Никто не отвечал. Уильям продолжал колотить в ворота:

– Открой, если ты окончательно не оглох! Открой, сукин ты сын! Открой эти чертовы ворота!

– Кем бы ты ни был, ты сюда не войдешь. Мэр отдал приказ, чтобы все входили и выходили только через северные ворота.

– Благодарю тебя, добрый человек, – крикнул Уильям. – Пусть Господь в безграничном милосердии своем смиляется над тобой. Доброй ночи.

Мы с Уильямом в темноте побрели вдоль городских стен. Мы слышали, как мерзлая земля скрипит под нашими ногами, слышали посапывание и стоны дремлющего младенца. Время от времени над нашими головами ухали совы. А иногда слышались другие звуки: жуткий плач в городе. У северных ворот мы тоже слышали душераздирающие рыдания над мертвыми телами родных людей.

– Что это за шум? – прошептал я.

– Причитания. Оплакивание мертвых.

– Если бы наши кости могли петь, они пели бы так...

Младенец проснулся и снова начал кричать.

– Тише, Лазарь, – шепнул я.

– Ты дал ему имя? – прошипел Уильям.

– В честь святого Лазаря, восставшего из мертвых. Завтра праздник этого святого.

– Зачем ты сделал это?

– Это показалось мне правильным.

– Ради всего святого, Джон, правильно было бы оставить этого ребенка и позволить Господу решить его судьбу.

Уильям снова вытащил свой нож и стал стучать рукоятью по дубовым воротам.

– Добрый привратник,пусти нас ради всего святого! Я торговец, я часто бывал в Эксетере. А сейчас я иду со своей женой... Джоанной... и моим сыном Лазарем. Мы пришли из Солсбери, моя лошадь пала сразу, как мы вышли из города. Открой нам, умоляю тебя!

Мы ждали ответа.

– Зачем нам нужен этот забытый богом городишко? – тихо проворчал Уильям. – Если бы не младенец, я бы отправился домой. За ночь мы добрались бы.

Но потом он снова забарабанил по воротам:

– Добрый привратник! Впусти нас! Меня приютит кузнец Ричард, он живет рядом с аббатством святого Николая...

– Слышу, слышу, – раздался голос привратника. – Иду уже, лопни твои глаза! И уйми своего щенка!

Дверца в боковой створке ворот приоткрылась, и мы увидели тощего, лысеющего мужчину. Он держал почти догоревший факел. Красные искры сыпались на землю.

– Как, ты сказал, тебя зовут?

– Уильям Берд, торговец из Мортонa. Ты наверняка узнаешь меня, если посветишь мне в лицо.

Привратник поднес факел к лицу Уильяма. Слабый свет осветил и меня. Наш вид и плач Лазаря успокоили привратника.

– Мне приказано впускать только вольных жителей города и их родственников. Никаких странников, аптекарей, точильщиков, жестянщиков, бродяг, нищих и коновалов.

– Разве я похож на бродягу? – ответил Уильям. – Мы с женой приезжали сюда перед днем святого Михаила на повозке, запряженной четверкой лошадей. Мы привозили шерсть. А теперь мы вернулись пешими и нищими. Мне пришлось за бесценок продать лошадей и повозку в Солсбери. А потом и моя лошадь пала...

– А где твой фонарь? Добрые люди после темноты ходят с фонарем...

Уильям тряхнул головой. Он опустил наши сумки на землю, повернулся ко мне, развязал веревку на моей сумке и достал кошелек Лазаря. Порывшись в нем, он вытащил золотую монету. Золото блеснуло в свете факела.

– Вот мой фонарь.

Привратник наклонился, чтобы рассмотреть такое диво. Я тоже. Я никогда прежде не видел золотых монет.

– Ты предлагаешь это мне?

– А ты предлагаешь впустить нас?

– Твой фонарь светит ярче моего, добрый сэр, – усмехнулся привратник, принимая монету. – Прошу прощения за то, что задержал тебя. Уверен, стража тебя не потревожит. Иди с миром, и пусть Господь защитит нас.

Мы вышли на главную улицу, которая шла от северных ворот к центру города, и вскоре свернули направо. Узкий переулок привел нас в приход Сент-Бартоломею. Дорогу мы чувствовали ногами, то и дело поскользываясь в грязных лужах на мелком гравии. Когда крики голодного Лазаря стихали, мы слышали стенания и плач – отцы и матери оплакивали умерших детей. Иногда раздавались крики боли. А где-то завывали драчливые коты.

А потом пошел дождь. В темноте я почти не различал силуэтов домов. Капли дождя звучно падали в бочки, установленные в этом бедном квартале возле домов для сбора воды. Лазарь окончательно охрип – долгие часы плача даром не прошли. Он то засыпал, но просыпался. Вес доски, к которой он был привязан, стал для меня невыносим, и мне больше всего хотелось опустить его на землю. Я

жаждал тепла и отдыха с той же силой, с какой Лазарь жаждал женского молока.

Я поскользнулся в очередной раз. В ботинки хлынула холодная вода.

– Здесь, – тихо произнес Уильям и постучал в дверь низенького одноэтажного домика. – Ричард! Это Уильям Берд из Мортон. Мне нужно с тобой поговорить.

Никто не ответил.

Уильям несколько раз стучал и звал хозяина. Наконец дверь слегка приоткрылась. В проеме я видел горящую свечу, капли горячего воска падали на землю и шипели в лужах. В слабом свете свечи я разглядел чернобородого мужчину.

– Что привело тебя сюда в столь поздний час? – спросил кузнец.

– Это мой брат, Джон, из Реймента, близ Мортон. Вместе с ним, его женой Кэтрин и их маленьким сыном мы ехали из Солсбери, но Кэтрин заболела и вчера умерла. Мы весь день шли в надежде на то, что твоя Сюзанна сможет накормить малыша. Без помощи он точно умрет.

– Скажи мне правду, Уильям Берд, это была чума?

Уильям посмотрел другу прямо в глаза.

– Нет, Ричард! Клянусь, Кэтрин умерла не от чумы.

Кузнец слегка расслабился, но дверь открывать не спешил.

– Пожалуйста, – взмолился я, чувствуя, что вот-вот рухну от усталости и холода. – Мы пришли издалека. Помогите нам, как добрый христианин... В мире осталось так мало добра...

Холодная капля упала мне на шею и потекла по спине.

– Мы заплатим твоей дочери, если она накормит малыша, – добавил Уильям и вытащил вторую золотую монету. – Fiorino d'oro из Флоренции. В Лондоне и Бристоле их называют флоринами.

Ричард взял монету и стал рассматривать ее в свете свечи.

– И сколько она стоит?

– Около сорока пенсов.

Кузнец впустил нас и плотно закрыл тяжелую деревянную дверь.

Мы оказались в старом купеческом доме. Дым поднимался от очага, пылавшего в центре комнаты, и устремлялся к потемневшей крыше. Вокруг очага стояли три стула и скамья. Свеча Ричарда осветила еще одну дверь, которая, как я полагал, вела в жилую комнату. Он открыл дверь и крикнул в темноту:

– Сюзанна!

Он взял палку, повернулся к нам, сел и палкой указал нам на стулья.

– Садитесь.

– Как дела в Эксетере? – спросил Уильям, протягивая руки к огню. – Мы видели огромную могилу в Сент-Сативоле...

Ричард, опираясь обеими руками на палку, проворчал:

– Они роют другую, за стенами, возле Кралдича, где раньше проходила Ламмасская ярмарка. Твой брат прав: добра в мире почти не осталось. – Он наклонился вперед и палкой подтолкнул полено в очаг. – Сегодня никто не ходит в церковь. Все священники сбежали, укрылись в своих загородных домах. Рынки почти опустели – никто не хочет везти зерно в город. Каждое утро тех, кто умер за ночь, выносят на улицы, чтобы возчики их подобрали. Вот так мы в последний раз видим любимых людей – их тела валяются на улицах, над ними вьются мухи, а потом грязные могильщики сваливают их на повозки и увозят прочь.

Появилась Сюзанна. Она оказалась пухлой молодой женщиной с черными волосами – так мне показалось в тусклом свете очага. Темная туника делала ее кожу ослепительно белой. Интересно, где ее муж, подумал я. Но в эти дни лучше не задавать подобных вопросов.

– Он уснул наконец-то, – сказала Сюзанна отцу.

– Хорошо, – кивнул Ричард. – Этот младенец голоден. Уильям заплатил мне, надеясь, что ты сможешь его накормить.

– А я что-то получу? – потребовала Сюзанна.

– Конечно, цветочек. Но это золотая монета, она стоит сорок пенсов. Я разменяю ее и отдам тебе достойную долю.

– Достойную? – переспросила Сюзанна, глядя на нас с Лазарем.

– Десять пенсов, – сказал Ричард.

– Вор!

– Двадцать.

Она кивнула и повернулась ко мне.

– Это мальчик или девочка?

Я замешкался.

– Его зовут Лазарь...

Ребенок снова заплакал. Сюзанна забрала его и расстегнула платье.

– Ему нужно не только молоко, – заметила она. – Когда вы в последний раз меняли ему пеленки?

– Утром, в Хонитоне. – Лазарь сосал грудь, но не с той жадностью, какой я от него ожидал. – На постоялом дворе, где мы останавливались, была кормилица.

Я посмотрел на Уильяма, но он глядел на огонь, стараясь не встречаться со мной взглядом. А вот Ричард смотрел на меня с подозрением.

– Когда, ты сказал, умерла твоя жена?

– Вчера утром.

– И ты едешь один, с ребенком? Только с Уильямом?

– А что мне делать? Господь в великой мудрости его взвалил на меня это бремя.

Наступила тишина. Уильям по-прежнему не смотрел на меня.

– До Мортон полдня пути, – сказала Сюзанна, глядя на ребенка, который то сосал, то снова порывался заплакать. – Я накормила его, накормлю, когда он проснется, и еще раз утром, перед вашим уходом. Думаю, он проспит всю дорогу. Ваша ходьба укачает его.

Я благодарно кивнул. Сюзанна улыбнулась. Ее щедрость и доброта успокоили меня.

– Ричард! – неожиданно воскликнул Уильям, поворачиваясь к хозяину. – В прежние времена у тебя всегда имелся бочонок эля. Не говори мне, что эта добрая традиция пала жертвой чумы!

Ричард поднялся, тяжело опираясь на палку.

– Ячмень мы бережем на хлеб, ты же понимаешь... Но могу угостить тебя добрым сидром. Яблоки с моих деревьев, за городскими стенами.

– Было бы здорово!

Ричард взял черпак с бочки с сидром, стоявшей в темном углу, и осторожно наполнил большую чашу с двумя ручками. Я слышал, как он медленно льет сидр. Вернувшись к огню, он сказал:

– Женщина по соседству год назад потеряла мужа. Я сделал ей два новых замка для дома, а она расплатилась со мной садом. Ей страшно жить одной. Когда я увидел сад, там было полно гнилых яблок на сидр. – Он сделал глоток, передал чашу Уильяму и сел. – Если бы я не был осторожен, то смог бы сделать состояние на замках. Сейчас такое время...

– И на их взломе? – усмехнулся я. – А как же те, кто умер в запертых домах, не имея рядом никого, кто вынес бы их тела на улицу?

Ричард промолчал.

Уильям, не произнося ни слова, передал чашу мне. Он сидел и смотрел в огонь. Я принял чашу, поднес ее ко рту и ощутил сладость сидра. Потом я передал ее Сюзанне, которая все еще пыталась кормить ребенка.

– Потом, когда он успокоится, – сказала она, подняла качальную доску и стала разворачивать пеленки.

– Вы наверняка голодны, – сказал Ричард. – Там осталось немного похлебки.

– У нас есть ветчина к ужину, – ответил Уильям. – И немного...

Но прежде чем он договорил, Сюзанна издала дикий вопль. Она только что держала Лазаря на руках и вдруг отшвырнула его в сторону, зажав рот ладонью. Она смотрела на него с ужасом.

– Как вы могли?! Будьте вы все прокляты! Будьте прокляты!

Она повернулась ко мне. Я смотрел на вопящего Лазаря, на испачканные пеленки – и на черные пятна на его ручках и ножках. Я попытался подняться, но тут Сюзанна ударила меня по лицу. Свеча погасла, комнату освещал лишь огонь очага. На голову мою обрушилась палка. В тусклом свете очага я видел, как Сюзанна швырнула в огонь пеленки, а потом пинком отправила туда же ребенка.

Я чуть не оглох от дикого визга. Я попытался достать ребенка, но только обжег руки. Пеленки ярко вспыхнули, и я увидел, как обугливается кожа, и жир капает с крохотных ножек. Что-то ударило меня по спине, и я рухнул, лишь чудом не оказавшись лицом в очаге. Я откатился в сторону, укрывшись в углу комнаты.

– Убирайтесь! Убирайтесь немедленно! – орал Ричард. – Убирайтесь оба!

– Ричард, – пытался уговорить его Уильям, – это ужасная...

– Убирайтесь! – визжала Сюзанна. – Вы слышали, что сказал отец! Убирайтесь, или я убью вас обоих!

Ричард вдруг умолк. Он не кричал. Он замер, осознав, что позволил дочери кормить грудью зараженного чумой ребенка. В этот момент меня охватило чувство глубокого раскаяния. Даже не взяв свою дорожную суму, я бросился к двери, отодвинул засов, распахнул ее и выбежал в кромешный мрак под проливной дождь.

Я не видел, куда бегу, и сразу же споткнулся на неровной дороге. Упав на колени, я чувствовал, как дождь струится по лицу и волосам. Запахи навоза и грязи душили меня. Мне нужно бежать, нужно броситься в чумную яму вместе с мертвыми и ждать Божьего суда.

Мысль о жене и детях заставила меня подняться. Я стер грязь с лица, вытер губы и снова рухнул на колени. Дождь хлестал по спине, одежда моя промокла. Я поднялся и зашагал вперед, не представляя, куда иду. Плащ, туника и рубашка промокли насквозь. Впереди я увидел фонари городской стражи и остановился, чтобы они меня заметили. Но из-за дождя они низко опустили свои капюшоны и не обратили на меня внимания.

Я оказался на улице, ведущей к южным воротам, рядом с постоялым двором «Медведь». От дождя я укрылся под навесом у входа в большой особняк. Я был так одинок! Мне хотелось увидеть хоть одно дружеское лицо, но в этом городе моими друзьями были только статуи, которые я сам и вырезал. Собор был обнесен высокой каменной стеной. Она тянулась вдоль одной стороны соборного квартала: можно было подняться на парапет возле южных ворот, где домики примыкали прямо к старым стенам. Достаточно было найти какую-нибудь бочку – и вы оказывались на крыше одного из этих домиков, а по ней можно было уже

подняться на стену. Оказавшись на парапете, можно было пройти по стене и спрыгнуть прямо во двор епископского дворца.

Дорогу я нашел не сразу. К тому времени, когда я дошел до западного фасада собора, дождь кончился. Я поднялся к скульптурам и потянулся, чтобы в темноте коснуться нижнего ряда ангелов, одного за другим. Мои пальцы скользили по мокрому камню. Я вспоминал, когда вырезал эти руки и лица. Тогда моим мастером был Уильям Джой. Он всегда говорил, что скульптуры мои были бы лучше, если бы я их любил. «Пусть фигуры работают сами, – твердил он. – Пусть они улыбаются, если им хочется. Пусть они обнимаются, пусть танцуют... Пусть у них будут собственные тайны». В темноте я не видел скульптур, но знал, что они здесь, рядом, танцуют и шепчутся. Я поднялся на фундамент и потянулся к царям Ветхого Завета, которых я вырезал над ангелами. Я припал к их стопам – так же, как в библейские времена приговоренные к смерти припадали к стопам царей, моля о пощаде. На башенке, расположенной справа от больших западных врат, я вырезал фигуру царя, вдохновившись портретом короля Генриха Третьего. Под ним находился ангел, прикрывавший крылом колонны, на которых стоял царь. А вон ту фигуру, чуть выше, я вырезал по подобию старого соборного казначея: он всегда здоровался с нами, когда мы трудились во дворе собора. На одной консоли я изобразил собственного отца. Консоль была расположена довольно высоко, и я подумал, что никто ее не увидит. Никто, кроме Бога. Все резчики, трудившиеся в соборе, изображали близких людей. Если разобрать собор по камешкам и изучить его, то станет понятно, что величественное здание построено из наших повседневных нужд и устремлений – из любви сотни простых людей. Все великие церкви таковы. Они только кажутся огромными, бесстрастными, благородными и величественными, но если подойти поближе, сразу ощущается сердцебиение прошлого, и понимаешь, что они состоят из тысяч лиц возлюбленных, матерей, отцов и друзей. Все это те самые маленькие чудеса, о которых мы мечтали во время работы. Я спустился с фундамента и вернулся к северному краю фасада, где когда-то давно мы делали ручки, чтобы подниматься на западный фасад без помощи лесов.

Поднялся я так же легко, как когда-то: пальцы сами вспоминали, за что хвататься – за плечо этой фигуры, за ногу той... Скоро я был уже наверху. Пальцы мои ощупывали знакомые башенки. «Скульптуры следует слушать, – говорил Уильям Джой. – Если услышишь прекрасно изваянную фигуру, она наполнит твой разум красотой». И сейчас я слушал. Какое бы горе я ни принес в мир, работа моя убеждала меня в том, что намерения мои были чисты и имели хорошие последствия.

Но что делать дальше? Я сидел под ледяным дождем, не видя ничего вокруг. Царила полная тишина, изредка нарушаемая криками отчаяния. Мне не верилось, что Лазарь мертв. Я стал раскачиваться из стороны в сторону, тихо напевая: «Весело бывает летом...»

Я помнил, как эту песню в детстве пела мне мать, и память снова вернула меня в счастливые времена. Когда мы с Саймоном и Уильямом были еще мальчишками, мы посещали воскресную школу. Как-то раз ректор – гадкий человек по имени Филипп де Воторт, чтоб ему вечно жариться в пекле, – сказал нам, что псалмы Давида – самая прекрасная музыка на свете. Саймон спросил, откуда ему это известно. А священник ответил, что может судить о таких вещах, поскольку обладает знаниями и опытом. Но когда он запел, голос его был подобен скрежетанию ржавого лезвия. Мне не поняли ни одного слова – ведь пел он на латыни. И тогда я поднял руку и сказал, что его псалмы вовсе не так красивы, как песенка про лето, которую поет нам мама. Священник жестоко отхлестал меня розгой по рукам. Я плакал от боли и взвизгивал каждый раз, когда розга опускалась на мои пальцы. Сквозь слезы я бормотал: «Почему вы наказываете меня?! Ведь я сказал правду!» За это меня наказали еще раз. Но как только мы вышли из церкви, братья хлопнули меня по спине и трижды прокричали «ура!» в мою честь на рыночной площади. А когда мы подходили к Крэнбруку, они подняли меня на плечи – отец видел, как они внесли меня в дом. Он перестал смазывать ось мельничного колеса жиром, вытер руки и направился к нам. Когда братья рассказали ему о том, что произошло, он сказал: «Джон, ты хороший парень. Никогда не забывай, что голос твоей матери чистым и приятным сделал сам Господь. Но Господь не создавал священников – он создал людей. Некоторые из них – хорошие люди, другие – дурные. И единственный способ разобраться – сказать им правду. Сегодня за ужином ты будешь разрезать мясо – это твоя награда».

От воспоминаний меня отвлек скребущий звук в темноте. От испуга я затаил дыхание, но звук повторился.

Здесь, над каменными фигурами фасада собора, рядом со мной был кто-то еще.

Я подвинулся и вытянул руку – а вдруг этот кто-то опасен? Но он не пытался скрыть свое присутствие. Я слышал, как он потирает руки, пытаюсь согреться, и кашляет. Через минуту он запел:

Весело бывает летом,

Все залито солнца светом.

Но зима уже близка,

Скоро будут холода...

Я похолодел от ужаса.

– Кто здесь? Кто ты?

– Ты знаешь меня, Джон, – ответил голос, очень похожий на мой.

– Кто ты?

– Они зовут меня Джоном...

– Как ты сюда попал? Ты был каменщиком?

– Ты знаешь, кто я...

– Ты Джон Комб? Тот, кто работал со мной в Солсбери, а потом отправился к кругу гигантов?

– Нет. Я родился в Крэнбруке, а сейчас живу в Рейменте, в усадьбе Рей.

Я лишился дара речи.

– Нет! Это я! Ты самозванец!

– Нет. Я – это ты!

– Убирайся прочь! – закричал я и услышал, как мой голос отдается от каменных стен. Горький вопль вернулся ко мне, отразившись от крыши собора. Я отодвинулся чуть дальше.

– Тебе от меня не избавиться, – произнес голос.

Я услышал шепоты мужчин и женщин в соборе – казалось, меня окружают десятки тысяч призраков. Их отчаяние буквально сочилось сквозь камни.

– Где мой брат?

– Я оставил его в доме кузнеца Ричарда – ты же знаешь...

– И где он сейчас?

– Я не знаю, потому что этого не знаешь ты.

– Ты говоришь не так, как я.

– Меня не мучает и твоя боль – из-за той ссадины, под правой рукой...

Теперь мне казалось, что голос звучит отовсюду. Я попытался лягнуть его правой ногой, но ощутил лишь пустоту и скользкую поверхность свинцовой крыши.

– Господи Иисусе, помоги мне, – пробормотал я.

– Наша мать поет лучше священника, – сказал голос.

– Прекрати! – крикнул я, но голос снова запел:

– Весело бывает летом...

Я снова лягнул его ногой и снова не ощутил ничего, кроме каменного парапета.

Я рухнул на колени, прижался лбом к холодному свинцу и начал молиться:

– О Мария, Матерь Божия, и святой Лазарь, чей праздник наступит завтра, и святой Петр, защитник этой церкви, спасите меня от этого безумия!

– Я – твоя совесть, Джон.

Я потерялся, как моряки на дрейфующем судне. Я рухнул в мрачнейшее море.

– Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли...

– Прекрати! Прекрати это! – кричал я, колотя кулаками по парапету. Я разбил костяшки пальцев, и они болели так же сильно, как в тот день, когда священник наказал меня.

Я чувствовал, что рядом кто-то есть, кто-то ждет... Камни шептались...

– Ты не получишь мою душу, – пробормотал я. – Ты не получишь мою душу!

– Разве ты не понимаешь, что почти ничего не сделал, чтобы заслужить царствие небесное?

– Я... Я пытался спасти ребенка...

– Но именно из-за тебя младенец погиб в пламени, – ответил голос. – Теперь умрет и кузнец, и его дочь, и ее ребенок.

– Мне так жаль... Мне очень жаль...

– Что ты сделаешь, чтобы это исправить?

– Как это исправить? В мире столько дурного и неправильного... Как я могу склеить все разбитые горшки в этом городе, вернуть все исчезнувшие улыбки, залечить все разбитые сердца и прикушенные языки? Как я могу исправить творение Господа, если этого не смог даже сам Он?

Наступила тишина.

– Почему ты думаешь, что Господу нужно только совершенство? – спросил голос. – Если ты веришь, что все на небесах и на земле создано Господом, то почему не веришь, что он создал грех? Сожаления? Неудачи? Как ты думаешь, кто создал проклятие?

– Я верю в милосердие Господа...

– Разве не веришь ты в то, – продолжал голос, – что если бы Бог желал совершенства своего творения, то этого не случилось бы мгновенно и радостно? Как могла бы существовать праведность, если бы не было греха?

– Как могу я исправить то, что совершил?

Голос молчал. Я услышал ответ через несколько минут, которые показались мне вечностью.

– У тебя есть семь дней на то, чтобы спасти свою душу. Если ты покоришься мне.

– Покорюсь тебе? Как?

– Отправляйся в Скорхилл, к кругу камней.

Я ждал чего-то еще, но вокруг царила тишина. Ни шепотов, ни песен, ни голоса. Я не слышал, как этот кто-то ушел. Я ничего не видел. Я был на крыше собора в полном одиночестве и мраке и дрожал от холода.

Теперь я не понимал, явился ли мне ангел, чтобы спасти мою душу, или меня искушал демон, желавший купить ее. Может ли судьба человека зависеть от слов, произнесенных шепотом во мраке ночи? Я не знал, но я знал, что Бог или дьявол задал мне вопрос, и единственный способ ответить на него – отправиться в Скорхилл.

II

Я не спал до рассвета. Как только веки мои опускались, я тут же просыпался. Я видел чаек, которые кружили над собором и городскими стенами и посылали хриплые проклятия людям, сновавшим внизу. Птицы усаживались на крышу церкви, расположенной западнее собора, и с холодным безразличием оглядывали страдающий город. Ветер раздувал мой капюшон, а я с тем же холодом смотрел на птиц. Наступил день святого Лазаря. Я закусил губу,

вспомнив несчастного младенца. Но я не мог не понимать, что его душа – одна из многих, отлетевших этой ночью. Люди выносили умерших из домов и оставляли на улицах для могильщиков. Они с ужасом смотрели на тела, появившиеся прошлым вечером, на трупы любимых дочерей и сыновей.

– Джон! Джон, ты там?

Я пополз вперед и посмотрел за край парапета. Меня всего колотило от холода. Внизу стоял Уильям. В одной руке он держал мою суму, в другой – свою. Волосы его были растрепаны.

– Ричард пошел к городским властям. Он говорит, что ты специально принес зараженного ребенка в его дом, чтобы убить его. Он будет требовать, чтобы тебя повесили.

Я вспомнил голос, говоривший со мной ночью. Нужно ли рассказать Уильяму?

– Ты спустишься? Я принес твои вещи...

События прошлого дня промелькнули в моем мозгу – от облетевшего дуба в Хонитоне до драки в доме кузнеца. Мне не хотелось верить своим воспоминаниям, но они были подобны глубоким ранам. Мне было так больно, что я никак не мог об этом забыть... Я увидел, как через двор собора идет священник в рясе. Он заметил двух мужчин, направляющихся к нему, и отступил в сторону, предпочтя ступить в грязь, чем встретиться с ними. Даже здесь, на святой земле, люди избегали друг друга. Но кто захочет оставаться в одиночестве?

Болезнь несет не только страдания. Она лишает нас человечности.

– Давай же, Джон! Ради всего святого! – крикнул Уильям.

Я спустился во двор. Уильям держал мою дорожную суму на вытянутой руке. Неужели и он боится находиться рядом со мной? Уильям заметил выражение моего лица, наклонился и обнял меня. И мы с ним пошагали к северным воротам.

На всех улицах лежали тела – могильщики еще не проезжали. На Северной улице я увидел растрепанную светловолосую женщину с искаженным страданием лицом. Закрыв глаза, она скорчилась над телом ребенка. Женщина не ушла, оставив труп, а сидела над ним, издавая монотонные стоны. Неожиданно появился могильщик. Схватив ребенка за ногу, он швырнул труп в повозку. Женщина издала дикий вопль, вцепилась ногтями в стену дома и стала колотить ее кулаками. Мы смотрели, как повозка продвигается по Северной улице: вначале в ней лежало четыре трупа, но, когда она подъехала к воротам, трупов было уже восемь.

Привратника мы не увидели, а ворота были открыты. Нам повезло. Выбравшись из города, мы направились к большому мосту, по которому можно было попасть в пригород Ковик, расположенный на другом берегу реки. С моста я увидел крыс, копошившихся на болотистом берегу. Горожане сваливали туда мусор, и крысам было раздолье. Городская помойка была завалена испорченным мясом, содержимым помойных ведер, обрезками овощей. Я увидел даже труп собаки. Улицы Ковика были пустынные. Большинство окон все еще было закрыто ставнями. Мы прошли еще милю. Когда мы поднимались на крутой холм Дансфорд, карабкаясь по камням и скользя на замерзшей грязи и опавших листьях, взошло солнце. Я обернулся, чтобы еще раз взглянуть на собор, гордо высившийся над городом. Как часто любовался я им отсюда в прошлом... Этот собор был для меня спасением души и моей работой. Теперь же его шпили стали двумя последними оплотами надежды, а я шел в противоположном направлении. Что ждет меня дома? И в Скорхилле? Настали времена библейских ужасов – Потоп, гибель Содома и Гоморры, Исход из Египта. Случалось ли после этого что-то подобное сегодняшней чуме?

На вершине холма мы обнаружили еще один труп. Это был мальчик лет двенадцати. Он лежал под облетевшим деревом в нескольких футах от дороги на груде опавших листьев всех оттенков коричневого, охристого, серого и желтого. Он и сам напоминал опавший лист. Возле его головы мы увидели следы замерзшей рвоты. Я смотрел на его русые волосы и юное лицо, изуродованное отвратительными пятнами и следами разложения. На его тунике я заметил зеленоватую пыль. Наверное, он прислонился к дереву или сел спиной к нему. Я не сомневался, что бедный парень умер в одиночестве. Рядом с ним не было ни матери, ни отца, кто мог бы утешить его в последний миг. Впрочем, они не подошли бы к нему, даже если бы он умирал дома, так что это ему еще повезло – он умер и не почувствовал себя брошенным самыми близкими людьми в свой тяжкий час.

Я снова вспомнил голос на соборе. Даже сейчас эта мысль меня страшила. Я постоянно думал о том, что на спасение души у меня всего семь дней.

– Уильям, ночью...

– Я не хочу говорить об этой ночи!

– Ты был прав.

– Я был прав. И что? А сейчас я замерз и устал. Мне тяжело. Я хочу только добраться до дома.

– Я знаю. Прости меня. Но я чувствую, что должен сделать что-то хорошее. Чтобы исправить то зло, которое я причинил. Я знаю, что недостаточно только желать добра. Я должен творить добро. Только так я могу заслужить Царствие Небесное.

Уильям посмотрел на меня.

– И что это значит? Какие чудеса ты собрался совершить? Хочешь основать монастырь? Или отправиться в крестовый поход? Что ж, удачи... Джон, ты не воин Христова воинства. Ты не святой. Ты каменщик, у которого нет работы, – только и всего. И если ты снова попытаешься совершить доброе дело – например, подобрать сироту, умирающего от чумы, – то погубишь нас обоих.

Я смотрел на листья, гнившие в грязи на дороге. На буковых листьях еще сохранилась зелень, дубовые полностью почернели. На некоторых листьях сохранились желтые и оранжевые оттенки. Я пнул листья, и они взлетели в воздух. Что заставляет деревья сбрасывать листья? Почему одни деревья сбрасывают листья, а другие – например, остролист – нет? Может быть, так Бог наказывает растение за то, что оно отравляет человека и животных? Но ведь каштан сбрасывает листья, хотя плоды его так вкусны. А ягоды остролиста ядовиты, и его шипы причиняют боль – но остролист листьев не сбрасывает. А тис, который ядовит для всех птиц и растений настолько, что в его тени ничего не растет, живет вечно.

Семь дней, чтобы спасти свою душу...

А есть ли душа у растений? Обретают ли они царствие небесное? Если нет, то они не могут согрешить, не могут совершить грех, за который понесут наказание в жизни вечной.

Семь дней, чтобы спасти свою душу...

Не растут ли наши чувства, подобно растениям, пуская корни в сердце и расцветая в разуме? Они цветут в наших улыбках и увядают в хмурости и злобе. А если так, то не возвращаются ли они каждый год? Не подобна ли одна радость другой, даже если вызваны они разными причинами?

Семь дней...

Что мне сделать, чтобы спасти свою душу? Я честно трудился, я заботился о своей семье, я молился и занимался резьбой по камню во славу Господа. Если подумать, то я сделал больше многих других. Скорее, я грешил меньше многих других. Но, наверное, этого недостаточно. Наверное, даже абсолютно безгрешный человек не может войти в Царствие Небесное, если не сделает добра. Наверное, для Господа важнее не отсутствие грехов, но добрые деяния веры.

Но что могу я сделать за семь дней, чтобы заслужить Царствие Небесное? На соборе со мной говорил явно не ангел. Он кашлял и притворялся мной. Он говорил, что он – моя совесть. Ангелы не кашляют. Они не притворяются. Но откуда он знал о том, что пение моей матери было лучше пения священника? Или мне это почудилось?

Когда весь мир охвачен кошмаром, почему бы и мне не столкнуться с собственным ужасом?

Семь дней...

Я представил, как спускаюсь с холма к Мортону, вижу город, старую церковь и рыночную площадь, за которой начинается великая пустошь, Дартмур. На северо-западе я видел холмы Баттердона и земляные укрепления старой крепости над Крэнбруком. Рядом с крепостью и находилась мельница, где выросли мы с Саймоном и Уильямом. Теперь там живет Саймон со своими детьми. К югу от города находился Реймент, где ожидали меня за

повседневными заботами Кэтрин и наши сыновья, Уильям, Джон и Джеймс. Сейчас Кэтрин и Мэри из Сторриджа, наверное, убираются в доме или занимаются стиркой на Рейбруке. Уильям уже достаточно большой, чтобы помогать взрослым. Он может отвезти зерно из амбара на мельницу, а потом отправиться с мукой к пекарю. А Джон и Джеймс наверняка играют прямо на улице, раскалывая ледок на лужах камешками.

Что хорошего я могу сделать для них – или для кого-то еще – за семь дней?

Я мог бы научить детей основам резьбы по камню. Я мог бы рассказать им об опасностях греха. Я мог бы взять в дом ребенка из бедной семьи в качестве слуги. Но будет ли это хорошо? Я могу вернуться в Эксетер и трудиться в больнице Магдалины, заботясь о прокаженных, как в старину поступали святые, чтобы показать, что они не боятся суда Господнего и не осуждают его наказания, посланного людям. Но сейчас все это неважно. Кому есть дело до прокаженных, когда в городе поселилась чума?

Что же доброго можно сделать в наши времена? Чем можно заслужить Царствие Небесное?

Я вспомнил, как в церкви нам рассказывали о святых, о мужчинах и женщинах, которые отдали жизнь за свою веру, о святых чудотворцах. Уильям был прав: я – не такой. Моя судьба в том, чтобы покинуть дом на многие недели, отправиться на строительство собора или церкви, где нужны каменщики, и целыми днями резать, ваять, придавать форму и вдыхать жизнь в обычный камень. Из камня, дарованного нам Богом, я создаю лица, руки, венцы и одеяния. Платят за это немного. Кэтрин приходится постоянно трудиться на наших четырех акрах. Говорят, что богатые далеки от Царствия Небесного, но я в это не верю. Богатые могут отказаться от своего богатства и заслужить вечное спасение. Для бедных эта дорога закрыта. Может быть, Христос и был беден, но я никогда не слышал от священников о том, что он пытался раздобыть несколько пенни или целыми днями трудился на своих четырех акрах. Человек, который трудится за мизерные деньги, не может попасть в Царствие Небесное – ведь простого уклонения от греха для этого недостаточно.

Когда мы приблизились к Дансфорду, то сразу почувствовали отвратительный запах разложения. Мы заглянули за живую изгородь и увидели на улице сани. Они стояли возле увитого плющом дерева, наполовину съехав в канаву. Два трупа остались в санях, четыре других свалились в канаву. Под водой мы

увидели разинутые рты и пустые глазницы. Один из ехавших освободил лошадь от упряжи, но сам упал неподалеку. Труп лежал на боку, лицо мертвеца исказила ужасная гримаса.

Мертвые ведут мертвых...

– Господи, помилуй, – воскликнул Уильям. – Это настоящий ад!

Я прикрыл лицо, как в Эксетере. Когда мы отошли достаточно далеко, я скинул капюшон.

– В каждом городе и каждой деревне... И конца этому нет...

Дансфорд был пуст. Казалось, город замерз: южнее церкви я видел маленькие, крытые соломой домики – глинобитные или каменные. Вдали виднелись густо поросшие лесом холмы. Отсюда начинался долгий подъем к великой пустоши.

Мы вброд перешли реку Тейн. После дождей вода доходила нам почти до бедер, а течение было довольно быстрым. Осенние листья и сучки задерживались на отмелях. Я поднял свою суму повыше – ведь в ней лежала книга. Если сума промокнет, пергаментные страницы погибнут, Я решил пожертвовать книгу церкви в Мортоне в память о Лазаре.

Когда я первым ступил на берег, ноги мои буквально подкашивались. Мы зашагали дальше, в лес, но от усталости я еле брел. Примерно через милю я окончательно лишился сил и остановился, обливаясь потом. Уильяму приходилось еще тяжелее. Да, он был крупнее меня, но не привык ходить пешком – обычно он ездил в повозке или верхом. Я дождался, пока он меня догонит, и хлопнул его по спине.

– Мы справились, брат.

– Я позабыл, какой крутой здесь подъем, – отозвался Уильям. – Нам нужно добраться до Клиффорда.

Мы двинулись дальше. Лес преимущественно состоял из ольхи, ясеня, ивы и буков. Кое-где сохранились искривленные дубы, напоминавшие горбатых ведьм

из давних времен. Люди безжалостно обкромсали ивы – прутья годились для постройки домов и возведения изгородей. Ольху и ясени тоже обрезали – ветки шли на кровлю и древесный уголь. Примерно в миле от реки я снова остановился. Несмотря на холод, я сильно вспотел. На вершинах холмов, в тени больших камней лежал снег. Я посмотрел на солнце – грело оно слабо, но солнечные лучи поднимали настроение. Прошло около трех часов с того момента, когда мы покинули Эксетер.

Он брел еще медленнее, чем раньше, еле передвигая ноги, и я остановился, чтобы подождать его. Обернувшись, я увидел, что Уильям стоит, прислонившись к дереву и утирая пот со лба. В тревоге я направился к нему и заметил, что его вырвало – желтые капли покрывали сухие листья дерева и его бороду.

– Держись подальше от меня, – прохрипел он. Лицо его побагровело. – Не подходи ко мне!

– Уильям, что с тобой?

– Я вспотел, как жирная свинья. У меня болят подмышки. И меня тошнит. Как ты думаешь, что со мной?

Мне стало ясно, что смерть нагнала нас.

– Чума поймала меня, Джон. Она уже пожирает мое тело.

Я хотел что-нибудь сказать, но не мог найти слов. Теперь я понимал, почему меня прошиб пот, почему я так ослабел. Ноги могли подкашивались не от усталости и не от голода. Отрава уже струилась по моим венам.

– Но у меня было семь дней, – пробормотал я.

– Что? – с гримасой переспросил Уильям, по-прежнему опираясь на дерево. – Что ты сказал?

– Ничего, просто я...

Я опустил глаза и увидел сухие сучья на дороге и опавшие листья. Лево́й рукой я ощупал правую подмышку, потом правой – левую. И я ощутил острую боль. Я похолодел от ужаса, меня затошнило. Руки мои задрожали. Я вытер пот со лба и со слезами посмотрел на Уильяма.

Брата снова вырвало. Он сплюнул и уставился на меня.

– На что ты смотришь?

– Я делал то, что казалось мне правильным...

– Будь ты проклят, Джон! Ты убил меня. Ты и твоё чертово благочестие! Я ни разу в жизни не ударил тебя, хотя твои нудные проповеди выводили меня из себя. А теперь ты убил меня...

– Мне так жаль...

Уильям утер лицо.

– Мне нет дела до того, что тебе жаль. Будь ты проклят, брат! Я ненавижу твою проклятую религию – в ней нет проку. Если Господь хочет заставить человека страдать, святость ему не защита. Богу нет дела до святости.

– Я тоже чувствую это... В себе...

– Что ты чувствуешь?

– Чуму.

Уильям выпрямился и глубоко вздохнул. Пот струился по его лицу и бороде. Он встряхнул головой.

– Что это за мир...

Он пошагал вперед.

– Мне отвратительна мысль о том, что я стану таким же трупом на дороге, какие мы видели. Меньше всего мне хочется, чтобы какой-нибудь мелкий торговец прошел здесь и причислил меня к безымянным мертвецам.

Я ничего не ответил. Мы были братьями, и наше молчание порой было более важным, чем разговор.

Я думал о Кэтрин. Я вспоминал, как впервые увидел ее на рыночной площади в Мортоне. Тогда она была еще девочкой. Ее отец, Роджер из Реймента, взял ее с собой. Она была на пять лет младше меня и кувыркалась на лужайке посреди площади. Заметив, что я смотрю на нее, она спросила: «А ты умеешь кувыркаться?» – и тут же перекувырнулась еще раз. «Мне нравится твой пояс», – сказала она, и я с гордостью посмотрел на оловянную пряжку: когда-то я нашел на дороге бляху паломника и соорудил из нее пряжку. В следующее воскресенье Кэтрин улыбнулась мне, выходя из церкви. У нее была удивительная улыбка – не улыбнуться ей в ответ было просто невозможно. И с того времени мы стали немного болтать каждую неделю – на рынке или после церкви. В том же году я уехал в Эксетер учиться резьбе. Мы виделись редко, только когда я возвращался домой. Когда мать Кэтрин умерла, отец решил оставить ее дома. Многие хотели жениться на ней, даже Уолтер Парлебен, сын Джона Парлебена, одного из самых богатых людей Мортон. Но Роджер всем отказывал. Шли годы. Я трудился на строительстве собора в Эксетере, а Кэтрин пришла в город со своим родичем. Он крикнул, чтобы я спустился. Я отложил резец и спустился по лесам. Кэтрин показалась мне очень встревоженной. Она рассказала, что отец ее умер и теперь дом и четыре акра земли принадлежат ей. Но бейлиф сказал, что ей нужно выйти замуж, и если она не выберет себе мужа сама, он сделает это за нее. «Джон, пожалуйста, – взмолилась Кэтрин, – я не хочу бросать свой дом, а у тебя дома нет. Почему бы тебе не поселиться у меня?» «Почему ты выбрала меня?» – поразился я. «Потому что с тобой я счастлива», – просто ответила Кэтрин. Через две недели мы поженились в церкви Мортон.

Я больше ее не увижу. Даже если она жива, я не пойду к ней, чтобы не заразить ее и детей. Лучше мне будет отправиться на кладбище и вырыть себе могилу – только так я смогу упокоиться в освященной земле.

Мы продолжали свой путь по холму Коссик. Уильям молчал. Он смотрел на камни на вершине, словно решив упокоиться под ними. Я думал о печеных яблоках с медом, которыми часто угощала нас мама. Я вспоминал спокойное лицо спящей Кэтрин, вспоминал, как учил сыновей стричь наших овец. Я вспоминал, как варил

пиво для церкви и так напробовався, что начал петь. Я вспоминал, как в молодости мы плясали на площади летними вечерами под звуки скрипки и свирели. Я вспоминал ярмарки в Мортоне, когда вся площадь была заставлена прилавками, окрестные поля пестрели яркими шатрами купцов и торговцев, а из пивных доносились музыка и громкий смех.

Все эти воспоминания скоро уйдут в прошлое.

У Коссика мы сошли с дороги и побрели по еле заметной тропинке среди камней, дрока и вереска. Я тщетно пытался справиться с дурнотой. Меня вырвало на большой куст засохшего папоротника. Ноги у меня подкосились, я весь дрожал от холода и одновременно обливался потом. Без сил я опустился на большой камень. Во рту стоял кислый вкус рвоты. Я сплюнул и увидел в слюне кровь.

Уильяма била крупная дрожь. Он сел рядом со мной.

– Как долго это продлится?

– Может быть, быстро. А может быть, несколько дней. Несколько человек в Солсбери болели три-четыре дня. Один прожил целых шесть.

– Господи Иисусе... – Уильям закрыл лицо руками и замолчал. Потом он опустил руки и долго смотрел влево, на гряды холмов. – Помнишь Кристину из Люведона?

– Помню, – кивнул я. – У нее были длинные черные волосы и добрая улыбка. И бедра у нее были славные, как у коровки.

– Она была у меня первой. Муж ее ушел на охоту на пустошь. Она заметила меня на дороге и попросила ей помочь: ей было никак не справиться с упрямым бараном. Не говоря ни слова, она повела меня через лес подальше от Люведона, а потом неожиданно остановилась, обхватила мое лицо руками и поцеловала. Меня никто никогда так не целовал. Верой клянусь, я никогда этого не забуду. А потом она толкнула меня на землю и оседлала, задрав юбки до пояса. Честно говоря, она взяла меня увереннее, чем я трахал французских девок. Как ты думаешь, это считается грехом?

– Ведь были и другие, потом... Правда? – меня скрутил приступ боли.

– Больше, чем я могу сосчитать.

– Если ты не можешь их сосчитать, значит, это грех. Ты должен был хотя бы имена их запомнить.

– Зачем мне сдались их имена?

Мы снова замолчали.

– Я завидую тебе, Джон, – неожиданно прохрипел Уильям, схватившись за живот и сморщившись от боли. – После тебя хотя бы что-то останется...

– Что?

– Твои дети. Твои скульптуры. А кто вспомнит Уильяма Берда? Священники не станут молиться обо мне. Дом мой сдадут другим людям. Ты хотя бы исчезнешь не бесследно.

– Люди будут видеть твое лицо, – ответил я.

– Нет. Я исчезну, как песок в океане.

– Они увидят тебя на соборе. Твое лицо я изобразил на алтаре в часовне святого Эдмунда.

Уильям задумался.

– Ты правда сделал это?

– Конечно. Я изобразил тебя еще в часовнях святого Андрея и святой Екатерины. И в западном клуатре, хотя там ты получился не очень похожим.

– Почему?

– Там слишком большие уши, а леса разобрали прежде, чем я смог это исправить.

– Ты – хороший брат, – сказал Уильям, хватаясь за грудь и раскачиваясь на камне. – Даже несмотря... на это... Прямо перед Рождеством...

Рождество. Я никогда больше не увижу, как озаряются радостью лица моих сыновей при виде такого обилия мяса. Я не увижу наш дом, дверь, увитую плющом, и омелу под карнизом. Я не увижу сияющей улыбки Кэтрин, когда она присматривает за нашими мальчиками.

Я посмотрел на пустошь.

– Как далеко отсюда до Скорхилла?

– Что?

– До того каменного круга на пустоши, куда мы бегали как-то с Джоном Парлебенем, Уильямом Кеной и другими жестянщиками. Далеко это отсюда?

– Миль восемь-девять... А что?

– Мне нужно туда...Чтобы спасти мою душу...

– Что?! Ты с ума сошел!

– Нет, я... Мне нужно туда.

Уильяма снова вырвало.

– У тебя есть кошель того ребенка. Пожертвуй деньги церкви, и священники будут молиться за тебя.

– Это не мои деньги, чтобы жертвовать их. Ведь бедный ребенок погиб в огне.

– Зачем тебе в Скорхилл?

– Прошлой ночью я слышал голос... На соборе...

– Голос?

– Да.

– Ты сошел с ума.

– Может быть. Но голос велел мне идти в Скорхилл, чтобы спасти свою душу. Было бы безумием притворяться, что я этого не слышал. Подумай: Иисус ушел в пустыню, которая наверняка была такой же, как наша пустошь. Отцы Церкви тоже уходили в пустыню – они строили там первые монастыри. В пророчествах Исаяи говорилось о том, что посланец Господа был голосом, вещающим в пустыне. А Иоанн Креститель крестил кающихся не в церкви, но в пустыне, в чистых водах Творения. Пустыня – это истинное творение Господа, чистое и незамутненное.

Уильям опустил глаза.

– Ты был счастливым человеком при жизни. Я все отдал бы, чтобы иметь такую жену, как Кэтрин. Но сейчас мы одинаковы – нас рвет, мы плюемся, нас трясет... А ты еще и последний ум потерял...

– Как человек может потерять свой ум? Если это его ум, он не может его потерять.

– Бред сивой кобылы! Тебе кажется, что крики в пустыни – это признак здравого рассудка? Нет, братец. Это означает лишь то, что никому твои стенания не нужны.

Я посмотрел на небо, затянутое тяжелыми тучами.

– Я пойду туда.

– Ради всего святого, Джон, зачем?

– Тот голос знал обо мне, о нашем детстве такое, что известно только мне. Он знал все про тот день, когда я сказал священнику, что наша мать поет лучше его. Он знал, что произошло со мной вчера. Если я доберусь до Скорхилла,

может быть, он заговорит со мной снова...

– И чей же это был голос? Ангела?

– Не знаю. Голос был похож на мой. Но откуда нам знать, каков на самом деле голос с неба?

– Вряд ли голос с неба был бы похож на твой. Ты уверен, что с тобой говорил не дьявол?

– А как я мог понять разницу? У голоса не было рогов и копыт...

Лица наши застыли от ледяного ветра. Я отвернулся, и меня снова вырвало. В желудке ничего не осталось, только желчь. Я видел, как темная слизь тянется к земле с моих губ. Вчера я говорил, что мы останемся братьями до конца времен, наивно полагая, что время – наша вотчина. Но сейчас мы уже умирали.

– Может быть, до Скорхилла всего семь миль, – неожиданно сказал Уильям.

– Ты пойдешь со мной?

Он пожал плечами.

– Ты не считаешь это безумием?

– Не дури, Джон. Конечно, это безумие – слушаться воображаемого голоса. Но еще большим безумием будет отпустить тебя одного. Или вернуться к твоим жене и детям. Ты не можешь вернуться домой.

Я посмотрел на Уильяма. Он был прав. Кто сообщит о моей кончине Кэтрин? Уильям тоже болен. И рядом с нами никого нет.

Мир неожиданно опустел...

Зима пришла в третий раз...

Путь к Скорхиллу стал тяжким испытанием. Нас мучила боль, все расплывалось перед глазами. Чувства изменяли нам, а ноги слабели. Мы могли думать только о том, что мы умираем. Эта мысль мучила нас сильнее физической боли. Она, словно острый нож, терзала нашу плоть. Уильям больше не был торговцем шерстью. Никогда больше он не поедет на ярмарку в повозке, набитой шерстью. Никого он не хлопнет по спине и ни с кем не выпьет доброго эля. Никогда ему не перекинуться парой шуточек с людьми, собравшимися на рыночной площади. То, что я был резчиком, теперь не имело никакого значения. Это лишь напоминало о чем-то, что было когда-то...

В Истон-Кросс я посмотрел на вершину холма. Где-то вдали лежал Крэнбрук. Детми мы с братьями часто гуляли здесь в лесу. Мы вырезали себе палки и атаковали или защищали укрепления старой крепости. В тот день, когда сотник объявил нам с Уильямом, что мы отправимся воевать во Францию, мы отправились сюда, чтобы найти крепкие палки, которые помогут нам в пути. Тогда я думал, что это очень благородно – сражаться за короля Эдуарда и за Англию: ведь я же буду сражаться за эти леса и холмы, за свою родину. Но кто сейчас мой враг? С кем я буду бороться?

Враг живет внутри меня, в моей собственной крови...

Я опустил суму на камень, дрожа и обливаясь потом. Я медленно снял плащ, тунику и пояс. Оставшись в одной рубашке, я достал нож.

– Что ты делаешь? – воскликнул Уильям.

– Кровопускание...

Я закатал левый рукав, поднял руку и почувствовал запах застарелого пота. Запах был отвратителен. Но под мышкой я не увидел того же огромного черного нарыва, как на шее мертвеца в Хонитоне. Мой нарыв был желтоватым, его окружали черные пятна и налитые кровью припухлости – словно на мне вырос чудовищный гриб. Я ненавидел его, но не решался срезать. Это лишь симптом... Я закатал правый рукав и, держа нож в левой руке, нацелился на внутреннюю сторону предплечья. Место найти было несложно: когда-то мне уже пускали кровь. Боль была острой и леденящей, но она казалась здоровой. Из меня текла не кровь, но болезнь. Я поразил врага в самое сердце. Мне сразу стало легче. Спустив кровь, я поднял руку и закрутил рукав, чтобы остановить

кровотечение. В изнеможении я откинулся на камень.

– Тебе следовало стать хирургом, – сказал Уильям.

– Резать камень проще...

Я поднялся. Голова у меня закружилась, и меня снова вырвало, но желудок был совершенно пуст. Я поднял свою тунику и неуклюже принялся натягивать ее через голову. После нескольких попыток мне это удалось. Я застегнул пояс и накинул плащ – он показался мне очень тяжелым.

– Надо идти, – сказал я, поднимаясь на ноги и глядя в темнеющее небо.

– Пусти кровь и мне тоже, – приказал Уильям.

Какое-то время мы молчали. Тишину нарушало только вечернее пение птиц. Я видел кровавые пятна на шее и щеках Уильяма, не закрытых бородой. Я покачал головой.

– Я никогда не пускал никому кровь. Только себе. Я знаю, где это можно сделать...

– Джон, то, что случилось вчера, уже случилось. Время вспять не обратить. Но я все же верю в тебя. Тебя ведет Бог. Сделай же для меня то же, что сделал для себя.

– Я не знаю...

– Что может случиться?

Уильям скинул свой плащ и с большим трудом стянул через голову тунику. Увидев, как он закатывает рукав рубашки, я задрожал. Уильям протянул мне руку.

– Я не вижу места...

– Ради Христа, Джон, режь, где захочешь.

Я надрезал кожу. Кровь брызнула и потекла по руке.

– Пусть течет, – сказал я, утирая холодный пот со лба. Когда вытекло достаточно, я поднял его руку. – Держи ее так. Наклонись вперед, пусть чистая кровь прильет к голове.

Уильям подчинился. Он тяжело дышал.

– Мне кажется, что вся жизнь проходит перед глазами, – сказал он.

– Расскажи, когда ты был счастливее всего...

– Когда в первый раз был с Кристиной из Люведона.

– В первый?

– Ее муж часто охотился.

Когда Уильям пришел в себя, мы пошли дальше, медленно пробираясь между деревьями. Хотя деревья уже давно облетели, под их кронами стало гораздо темнее. Мы двигались медленно, спотыкаясь о толстые корни. Я подвернул правую щиколотку. Я часто наступал в лужи и чувствовал, как холодная вода заливает ноги. Сквозь просвет в тучах выглянула луна, и переплетенные голые ветви стали серебряными. Казалось, что мы идем по остову гигантского корабля.

Когда совсем стемнело, Уильям выдохнул:

– Хватит!

Я оглянулся и увидел, что он упал. Я подхватил его под руки.

– Поднимайся, Уильям! Если останешься здесь, к утру умрешь.

– Я больше не могу идти. Ноги меня не слушаются. У меня кружится голова, и я не понимаю, куда идти. У меня онемели пальцы. Я и пошевелиться не могу...

Я попытался поднять его, но он был слишком тяжелым.

– Поднимайся, Уильям! Помнишь, где был старый лев? Представь, что там, на пустоши, самая прекрасная женщина, созданная Господом...

– Самую прекрасную женщину я видел в лондонском переулке, – ответил он. – Она была очень юной и шла с отцом. Я стоял и смотрел ей вслед. Я увидел, как она вошла в церковь... Тогда я был словно в трансе...

– Представь, что она там, на пустоши, и ждет тебя... А отца ее рядом нет.

– Нет. Она не замужем...

– И что с того? Ты и сам не женат.

– Из замужних женщин получаются отличные любовницы. Они точно знают, чего хотят.

– Значит, она замужем. А муж ее ушел на охоту.

– Нет, все кончено... В моем теле больше нет желаний...

– Уильям, я не позволю тебе остаться здесь. До пустоши осталось меньше мили...

– Мне кажется, что я... – Он закашлялся, начал отплевываться, потом снова закашлял.

– Ради всего святого, Уильям! – закричал я. – Пожалуйста! Я не могу уйти и бросить тебя. Но я не могу и лечь здесь и ждать смерти. Мы добрались сюда, потому что нас было двое. Помнишь те одинокие трупы вдоль дороги? Никто не помог им. Нас не похоронят по христианскому обряду, это я знаю, но мы не можем просто лечь и ждать смерти... – Я утер пот с лица. – Если мы так поступим, наши родители на небесах будут стыдиться нас. Если не для меня, то ради них, поднимись, Уильям!

Я снова подхватил его под руки. Он вцепился в мой рукав и попытался подняться. На этот раз это ему удалось. Он оперся на меня, тяжело дыша. Нарыв под левой рукой болел еще сильнее, словно я нес на плече свою суму. Тут я понял, что у Уильяма уже нет его сумы. Мы почувствовали запах холодной земли. Над нашими головами свистел ветер, он выл среди безжизненных ветвей, и те стукались друг о друга в темноте.

Наконец, мы выбрались на пустошь. Здесь уже ничто не мешало ветру, и он трепал траву, дрок, сухой папоротник и вереск. Ветер выл в наших ушах и морозил щеки. Держаться на ногах стало еще труднее. Над головой проносились тучи, в просветах изредка выглядывала луна. Впереди брезжила тонкая линия горизонта. По кочкам, камням и впадинам мы добрались до вершины первого хребта и начали спускаться по влажному мху. Обувь наша безнадежно промокла.

Так мы добрались до холма Скорхилл.

Я в очередной раз зацепился штанами за куст дрока. Поредевшие тучи стремительно проносились по лику луны, но потом большая черная туча полностью закрыла луну.

Уильям положил руку мне на плечо:

– Тихо!

Я прислушался. Когда вой ветра стих, я услышал журчание ручья в камнях.

Мы спустились к ручью и пошли по берегу. Ветер стих, и мне послышались жалобные голоса над пустошью. Я вспомнил Эксетер. Я был измучен. Каждый шаг по влажной болотистой почве давался мне с трудом. Я видел темные очертания каких-то фигур и яркие пятна – словно придавил глаза пальцами. На небе я видел синие и оранжевые всполохи, а потом целое кровавое озеро. Вновь поднялся ветер.

Нам никак не удавалось найти круг.

– Давай вернемся в лес, – сказал Уильям. Я с трудом расслышал его из-за воя ветра. – Под деревьями можно укрыться.

Я боялся ответить. Все мое тело ныло и болело. Мне было все равно, где упасть. Но Уильям, споткнувшись несколько раз в темноте, остановился. Он взял мою руку и положил ее на холодный, мокрый камень на уровне груди. Тучи снова разошлись, и я увидел призрачный каменный круг – две дюжины каменных столбов стояли на небольшом расстоянии друг от друга. Чуть в стороне и немного выше находился еще один камень – он упал, и сейчас от него отражался свет луны.

Мы пришли.

Уильям направился в центр круга. Я, спотыкаясь, побрел за ним. Луна снова скрылась за тучами. Мы оказались в полной темноте, и ветер выл вокруг нас.

– Что теперь? – спросил Уильям.

– Нам нужно молиться...

Я преклонил колени и прижался лбом к земле, защищая лицо от жалящих укусов ветра.

– Что это за свет вон там? – спросил Уильям.

– Отражение луны.

– Нет, не может быть. Луну скрывают тучи.

Я посмотрел вверх. Свет продолжал гореть, словно на камни упала звезда.

На пустоши я снова услышал далекий, рыдающий голос. Уильям начал читать «Отче наш». Это место вселяло в меня страх. Но то, что скрывалось за пределами каменного круга, на продуваемой ветром пустоши, страшило нас еще больше. И оттуда донесся женский голос. Он больше не рыдал и не стонал, но пел – очень медленно.

Весело бывает летом,
Все залито солнца светом.
Но зима уже близка,
Скоро будут холода...
Эй! Эгей! Ночь длинна.
И несет в себе она
Слезы, горе и тоску...

Мгновение – и мы снова слышали только вой ветра.

– Это был голос нашей матери, – прошептал Уильям.

– Может быть, ее дух поможет нам...

– За этим мы и пришли? Чтобы она наставила нас?

– Вы здесь, потому что не хотите умирать, – произнес голос, который я слышал в соборе.

– Ты слышал это? – спросил Уильям.

– Я не могу дать вам то, о чем вы просите, – продолжал голос. – Я не в силах даровать смертным долгую жизнь. После этой ночи вы проживете еще шесть дней. Этого не изменить. Но ты доверился мне, Джон из Реймента, и пришел сюда. И я тоже доверюсь тебе. Ты увидишь то, чего не видел ни один из живущих.

– Ради всего святого, – прошептал Уильям, – кто это?

– Выбор за тобой, – произнес голос. – Ты можешь остаться здесь, вернуться домой и провести последние шесть дней с женой и детьми. А можешь отдаться в мои руки. Я сотру шрамы с твоего лица и нарывы с твоего тела. Я избавлю тебя от лихорадки. Я позволю тебе провести последние шесть дней твоей жизни в далеком будущем. Девяносто девять лет пройдет, прежде чем ты сможешь

прожить первый из оставшихся тебе шести дней. Еще девяносто девять пройдет перед вторым. Пятьсот девяносто пять лет пройдет перед твоим шестым и последним днем, когда я приду за тобой.

Неожиданно время показалось мне пустым и ненужным. Вся жизнь уподобилась бутону на розовом кусте. Я видел, как многие жизни расцветали и лепестки их вяли и опадали. И неважно, быстро или медленно они увядали, неожиданно или ожидаемо. Важно лишь то, что они были.

– Я останусь здесь, – сказал Уильям. – Я не боюсь своей судьбы. Я умру здесь, в своем мире.

– Шесть дней, – пробормотал я, не в силах перестать думать о Кэтрин и сыновьях. – Шесть дней... А если я вернусь домой, то принесу с собой болезнь.

Я медленно поднялся на ноги. Меня била крупная дрожь.

– Прощай, Уильям, – сказал я, наклоняясь к нему.

Я опустился на колени и обнял его. Я крепко прижал его к себе – не как брата, но как последнего друга в этой жизни. Скорбь терзала меня сильнее чумы. Слезы текли по щекам и замерзали на ветру.

– Вот же незадача, – вздохнул Уильям. – Я не могу этого сделать. Я не могу расстаться с тобой, Джон. Пойдем вместе.

Я помог ему подняться. Ветер стих. Над нами горели звезды. На ночном небе осталось всего несколько тучек.

– Где луна? – спросил я.

– Наверное, она уже зашла.

– Так неожиданно?

– Как ты себя чувствуешь?

Я пощупал рукава плаща.

– Моя одежда просохла, а ноги зябнут, но лихорадки больше нет.

– Что же случилось?

– Это был голос... Он называл меня по имени...

– Ты думаешь, что мы все еще...

– Больны? Я не знаю.

Наступила долгая пауза.

– Думаешь, это действительно был голос нашей матери? Это она пела? – спросил Уильям.

– Похоже на нее.

– Может быть, ее дух пришел спасти нас...

– Или смутить нас... Тот голос, что говорил с нами, звучал как мой собственный.

– Это странно... Мне показалось, что он звучал как мой...

– Пошли...

Я нашел свою дорожную суму на том камне, где оставил ее, и мы вернулись назад по той же дороге.

В Истоне мы сошли с дороги, по тропинке пробрались в Крэнбрук и спрятались в одном из амбаров Саймона на мельнице. Зарывшись в сено, я вспомнил голос в каменном круге. Я не понимал, что с нами произошло, но понимал, что искупление необходимо мне больше, чем когда бы то ни было. Но я не знал, каким станет это искупление. И не знал я, что случится, если я не смогу его обрести. Я лежал в темноте и постепенно погружался в сон. Последней моей

мыслью стал очень простой вопрос: что я знаю про ад?

III

Когда первые лучи солнца пробились сквозь щели в крыше амбара, я сразу понял: что-то не так. Я с детства помнил гнилое пятно на большой балке, поддерживающей крышу. Мне достаточно было подумать о нашей мельнице, как я сразу же видел свисающую с балки густую паутину, присыпанную древесной гнилью. Отец говорил, что балка только кажется гнилой, но дуб, из которого она сделана, тверд как камень. Пройдет еще лет пятьдесят, прежде чем ее нужно будет менять. Но даже в тусклом утреннем свете я видел, что крышу поддерживает совершенно новая балка.

Я потряс Уильяма за плечо. Он перестал храпеть, открыл глаза и уставился в потолок.

– Где это мы – у шотландцев или у самого дьявола?

– В амбаре в Крэнбруке.

– Все изменилось...

Мы услышали, как на дворе лает собака, потом раздался мужской голос. Я его не узнал. Это явно был не наш брат.

– Что ты там унюхал, чертово отродье? Из-за чего этот шум? Что-то в амбаре, верно?

Через мгновение дверь распахнулась, и в амбаре стало светло. В дверях стоял крепкий мужик с редкими седыми волосами. На нем были длинные брюки и колет длиной до бедер. На груди я разглядел деревянные застёжки, которые скрепляли полы колета. На голове мужчины был не капюшон, а что-то вроде шапки, но какой-то странной формы. Колет был подпоясан толстым кожаным ремнем, за которым торчал нож.

– Ради всего святого, – воскликнул он, – что это за бедолаги?

Я смотрел на него, а он на нас. И было понятно, что, по его мнению, странно одет не он, а мы. Обувь моя прохудилась, серые штаны порваны в дюжине мест, и в дырах виднелись голые ноги. Коричневая туника тоже порвалась, а дорожный плащ был покрыт грязью. Уильям выглядел не лучше. Складчатый капюшон, который он обычно накидывал на голову с таким шиком, слипся от влаги. Серебряную цепь он потерял. От нищих его отличала только пряжка на поясе и кольцо с гранатом.

– Мы – братья Саймона из Крэнбрука, – объяснил я. – Наш отец, мельник Саймон, умер. А наша мать, Мэри, была дочерью мельника Уильяма, который держал эту мельницу раньше.

– Вы не наши родственники, – ответил мужчина. – Я – мельник Саймон, сын Саймона. И мне не нравится, что в моем амбаре устроились какие-то бродяги.

– Нам нужно поблагодарить этого доброго человека за гостеприимство и оставить его в покое, – сказал Уильям, поднимаясь с груды сена. – Саймон-мельник умер. Да здравствует Саймон-мельник. – Он поклонился мужчине, который только сейчас разглядел его золотое кольцо и серебряную пряжку на ремне. – Благодарим тебя, добрый мельник, за приют. Меня зовут Уильям Берд, а это мой брат, Джон из Реймента. Если мы можем чем-то отплатить тебе за этот кров, скажи, и мы все исполним.

Уильям снова поклонился и вышел из амбара. Я поклонился мельнику и последовал за братом.

На улице было морозно. Мы шагали вперед. Мельничный пруд справа от нас был покрыт льдом, вся трава заиндевела. Лужи на дорожке тоже замерзли. Дул легкий ветерок, птицы распелись вовсю. Но за прудом, где раньше не было никаких изгородей и стен и где сеяли зерно, теперь мы увидели стены, канавы, деревянные изгороди и ворота. Все холмы были поделены на маленькие, огражденные со всех сторон поля.

– Где мы? – спросил я.

– Ты не помнишь? Голос ведь сказал...

– Ты веришь, что прошло девяносто девять лет?

Уильям огляделся вокруг.

– А у тебя есть другое объяснение? Вот так Крэнбрук выглядит спустя девяносто девять лет после 17 декабря двадцать второго года правления короля Эдуарда Третьего, упокой, Господи, его душу.

«Упокой, Господи...» Я поразился тому, что Уильям говорит о добром короле Эдуарде как об умершем. Но если мы действительно перенеслись на девяносто девять лет вперед, то именно так и должно быть.

– Какой же сейчас год?

Уильям пожал плечами.

– Все зависит от того, кто сейчас король.

– Наверное, даже Эдуард Вудсток умер...

Уильям указал вперед на низкие стены, наполовину скрытые папоротником.

– Что здесь случилось?

– Ты знаешь, что случилось, – ответил я. – Чума. Ты был здесь.

Мы подошли к полуразрушенным каменным стенам высотой не более четырех футов. Это был Баттердон. Плющ уже покрыл руины, в углу дома вырос бук. На месте дома лежала куча опавших листьев, пожухшего папоротника и сухих веток. Пахло влажной землей – как в лесу после ночного дождя.

– Здесь жили Илберт и Ричард, – произнес Уильям.

Я промолчал. Может быть, и мой дом в Рейменте являет собой то же зрелище?

Мы зашагали дальше по мерзлому пастбищу. Было ясно, что сейчас здесь почти не ходят. Погруженные в свои мысли, мы почти не разговаривали, пока не дошли до Мортон. Мы увидели старую церковь. К западной ее стене была пристроена большая четырехъярусная башня из серого гранита. Она гордо высилась над окрестными холмами.

– Вчера этого не было, – сказал Уильям.

– Почему они построили новую башню, а не новую церковь? Она смотрится так же неуклюже, как рыцарь в доспехах на пони.

– Все из-за Чагфорда, – ответил Уильям. – Наша башня выше, чем у них.

По обе стороны дороги в Мортон мы увидели три больших дома, крытых соломой. Пока мы шли, вдаль ударил церковный колокол, а потом тишину нарушил бронзовый перезвон пяти колоколов на колокольне. В наше время к мессе прихожан сзывал удар одного колокола.

– Вот и ответ, – сказал Уильям. – Они построили башню, чтобы разместить на ней колокола.

В центре городка изменилось абсолютно все. На площади, где раньше стояли рыночные прилавки, появились деревянные дома. Большинство домов, окружавших площадь, стали каменными, с ярко раскрашенными ставнями и широкими дубовыми дверями. Но более всего нас поразила одежда горожан. Я увидел женщину, которая была причесана самым необычным образом: волосы образовывали два рога, задрапированных тонкой белой вуалью. Мы с Уильямом буквально вытаращились на нее: она шла в церковь, хотя по виду более всего напоминала сестру дьявола. Мужчины выглядели не менее странно. На них были туники длиной до колена. У молодых парней туники еле прикрывали зад. Через площадь прошел пожилой, плотный мужчина с седыми волосами и бородой. На нем была длинная черная мантия с капюшоном, напоминающим капюшон Уильяма. Но даже у этого человека рукава свисали до колен, и ему приходилось скрещивать руки на груди, чтобы не запутаться в собственных рукавах.

– Ты правда хочешь пойти в церковь? – спросил Уильям.

– Нет, – ответил я. – Все это кажется мне дурным сном. Может быть, позже...

На площади собралось довольно много народу, и все с удивлением смотрели на нас. Стало совсем светло. Мы шли через площадь и ловили на себе неодобрительные взгляды. Замужние женщины в традиционных головных уборах и ярких длинных платьях нас явно осуждали. Молодые девушки с распущенными волосами, в длинных юбках и коротких туниках, напоминающих корсажи, посматривали на нас исподтишка и прыскали от смеха. На взрослых мужчинах мы увидели необычные высокие шляпы с опущенными полями. На одной молодой женщине было довольно простое длинное платье с длинными рукавами, подхваченное под грудью, и аккуратные кожаные туфли с заостренными носами. Она шла одна, позади большой семьи, и я понял, что она – служанка. Но даже она смотрела на нас весьма неприветливо.

– Ты видел хоть одного нищего? – шепнул мне Уильям.

– Нет – разве что нищие теперь носят одежду, подбитую мехом кролика или лисы...

Мы вышли из города по дороге, которая спускалась в долину Рей. Мост над Рейбруком восстановили, поля по обе стороны дороги превратились в пастбища. Мимо нас шли люди, спешившие в церковь. Некоторые из них явно были крестьянами – одежда у них была не столь облегающей, как у тех, кого мы видели на площади. Но даже у крестьян одежда была сшита из хорошей ткани. Никто не казался бедным – только мы. Мы же казались грязными оборванцами – как заброшенный дом в Баттердоне.

Ферма в Сторридже изменилась почти до неузнаваемости. Появилось много новых построек. Хозяева фермы насыпали крошек птицам: дрозд уже весело клевал сухой хлеб, к нему быстро присоединилась малиновка. Отсюда дорога вела к моему дому. Там, где раньше ничего не было, стояли высокие деревья, а вдоль дорожки, спускавшейся к ручью, выросла колючая ежевика.

По мере приближения к дому меня охватило радостное предчувствие, но когда мы оказались совсем рядом, надежды мои рухнули. Все вокруг заросло, буковый лес лорда поглотил нашу ферму. Когда я, наконец, увидел стены родного дома, их почти целиком покрывал плющ. Они были чуть выше руки в Баттердоне, но всего лишь в человеческий рост. Гранитную притолоку двери кто-то украл, а корни дерева раскололи заднюю стену надвое, и часть стены рухнула. Мой дом напоминал скалу, высящуюся над морем сухих листьев и буковой поросли.

Я опустил свою суму на землю и вошел в мир разбитых камней, толстых корней и грачей. Одна оконная рама сохранилась, но перед ней вырос густой куст. Сколько раз я подходил к этому окну по утрам и открывал ставни, чтобы впустить в дом утренний свет... А потом я шел к нашему очагу, чтобы развести огонь на старых углях... Я смотрел на полусгнившую ветку, которая валялась на том месте, где когда-то весело пылал мой очаг, где мы с Кэтрин сидели за кружечкой сваренного ей эля, когда дети уже спали. Может быть, она выжила и покинула этот дом? Или бейлиф заставил ее снова выйти замуж? Руины говорили о заброшенности и смерти. Судя по всему, никто из наших детей этот дом и наши четыре акра не унаследовал.

Даже если Кэтрин и мальчики пережили меня, сейчас они уже мертвы. Уильям, Джон, даже маленький Джеймс... Косточки их давно сгнили на кладбище. Ветер шевелил побеги плюща. Я закрыл глаза и понял, что сам я тоже давно мертв. Я медленно прошелся по полу некогда моего дома, ощущая под ногами влажную землю. Может быть, я призрак? Может быть, люди в городе, которые так странно смотрели на нас, видели перед собой призраков? Что хорошего может сделать призрак, чтобы спасти свою душу?

Я положил руку на стену. Стена была холодной. Рука моя ощутила материальную преграду. Я не могу проходить сквозь стены. Если я что-нибудь подниму, оно поднимется. Я слышу пение птиц. Когда я заговорил с мельником в Крэнбруке, он услышал меня. Я – не призрак.

– Пошли, – тихо проговорил Уильям. – Здесь не осталось ничего, кроме скорби.

– Куда нам идти?

– Я думал, что ты хочешь сделать какое-то доброе дело...

– Не смейся, Уильям. За шесть дней? Что мы можем сделать за шесть дней? Я начинаю думать, что мы не заслуживаем места в раю. И не потому, что совершили какой-то грех. Просто мы такие люди.

Я указал рукой на стены.

– Это был мой дом. Мы с Кэтрин были здесь счастливы, и наши дети...

– У тебя хотя бы был дом. У тебя была семья. Ты был счастлив. А когда мы были на площади, ты видел, где стоял мой дом? На его месте построили новый. В Мортоне от меня не осталось даже следа... Но если мы пойдем в Эксетер, то обязательно увидим твои фигуры. Если мы окажемся в Солсбери или Тонтоне, там тоже остались твои работы. Башенки и портреты, цари и пророки... Сила твоей души вечно будет трогать сердца людей.

Я молчал. Холодный ветер обдувал мое лицо. Совсем рядом раздалось громкое, хриплое карканье ворона.

– Послушай, – сказал Уильям. – Мы все о чем-то сожалеем. Я так жалею, что ты тогда подобрал того ребенка. Но сожаление ничего не изменит. Может быть, мы уже были заражены чумой – ведь мы могли принести ее на себе из Солсбери. Я не знаю. Но я знаю одно: утраты не лишают нашу жизнь смысла. Всегда остается что-то, ради чего стоит жить.

Я посмотрел вперед, на деревья на вершине холма.

– Когда кто-то из моих сыновей боялся темноты, я брал его на руки, приходил сюда и говорил, чтобы он посмотрел на холм. Я говорил, что если посмотреть на дерево даже ночью, то обязательно увидишь очертания его веток. Полной темноты не бывает...

– Точно. Разве это не воплощение надежды? Нам есть к чему стремиться. Сейчас у нас есть только мы. Но и этого немало. И мы – не единственные люди на свете. Джон, мужчина может найти любовь в объятиях женщины, в ее улыбке и ее смехе – даже если он провел с ней не больше часа. Порой не нужно даже касаться ее – достаточно просто увидеть, как она двигается, услышать ее голос, и все трудности мгновенно отступают. Разве тебе не становилось от этого легче?

Я промолчал. Уильям вздохнул.

– Джон, я не знаю, что сказать. Скажу одно: когда мы проживаем отпущенные нам дни, один за другим, и ничего не меняется, нам кажется, что каждый день подобен камешку на тропинке. Он совершенно обыкновенный, в нем нет ничего особенного. Но заслышав колотушку смерти в собственной груди, мы теряемся. Мы понимаем, что вот этот, самый обыкновенный камешек на тропинке

– последний из всех, что нам суждено увидеть. И тогда он перестает казаться обыкновенным. Но, честно говоря, нам с тобой повезло. Нам позволили понять, что каждый день – каждое мгновение каждого дня – это дар. Тебе не кажется, что сейчас, когда нам осталось жить всего несколько дней, мир стал прекрасным местом? Разве не чудо вот это дерево, которое каждую весну выпускает новые побеги? А если лесник срубит его, то оно послужит материалом для оград и ворот. Разве не счастлив ты тем, что еще раз можешь ощутить запах влажной земли, дарующей жизнь всему существу? Разве не радостно тебе видеть пышные девичьи волосы, ниспадающие по плечам юной красотки? Разве не горд ты, когда замечаешь, как серьезно молодой лучник натягивает свой лук? Разве не будит в тебе мужскую гордость вид матери, ухаживающей за своими детьми? В мире столько красоты! Не закрывай же глаза только потому, что ты утратил свою крохотную долю счастья.

– Я счастлив, что у меня есть такой брат, – ответил я. – По делам моим, я должен был бы быть здесь один. Я не забыл, что ты сам выбрал свой путь – вместе со мной.

– В наши времена жизнь была бы невыносима без тебя...

– Но ты хотел остаться...

Уильям отвернулся.

– Для меня все было не так. В круге я услышал совсем не то, что ты.

– Не может быть! Что ты слышал?

– Я не могу сказать тебе. Сейчас не могу. Но я скажу, скажу позже.

Мы вернулись к мосту через Рейбрук, и я высыпал содержимое моей сумы на плоский камень, лежавший рядом с дорогой. В суме были вещи, которые мы забрали у купца и его жены: кошель, книга и четки с серебряным распятием. Кое-что принадлежало мне: пара штанов, грязная старая туника, две грязные рубашки, кожаный фартук каменщика, семь резцов разной величины, точило, старый деревянный молоток, почти новая киянка, две свечи, кремь и мой кошель с малой толикой денег: пять шиллингов, шестипенсовик и три фартинга. Эти деньги мне удалось сберечь за два месяца работы в Солсбери. Я собирался

отдать деньги Кэтрин, чтобы нам было на что провести зиму.

Уильям вытряхнул на грязную ладонь содержимое кошелька купца. Монет было около тридцати. Уильям по одной выложил их на камень. Около пятнадцати оказались золотыми, еще два английских четырехпенсовика и три пенни – я их узнал. Остальные были иностранными серебряными монетами. Я взял одну, чтобы рассмотреть. На ней был изображен человек в митре. С одной стороны находился обычный крест, с другой – крест, из которого вырастали лепестки или языки пламени. По ободу шла надпись, но я не мог ее прочесть.

– Что это? – спросил я, протягивая монету Уильяму.

– Это Папа Римский, – ответил он. Взвесив монету на руке, он сказал: – Каждая стоит не меньше шиллинга.

– То есть, если все эти золотые монеты – флорины, а эти стоят по шиллингу каждая... Это больше трех фунтов...

– И мы еще не считали твоих и моих денег... – Уильям потянулся к кошельку на поясе. – Черт! Я вчера выложил деньги в суму. У меня было двадцать семь шиллингов.

– Это неважно. Сколько мы сможем потратить за шесть дней? Я думаю, что деньги Лазаря мы должны пожертвовать церкви.

Снова раздалось карканье ворона – но на этот раз он прокаркал дважды.

Наступила тишина.

Мы переглянулись. Ворон смолк.

– Мне кажется, что за нами наблюдают, – прошептал Уильям, оглядываясь вокруг.

Я заметил, что между деревьями, в стороне от дороги, мелькнула красная туника. Через мгновение я увидел бегущего человека и услышал крики. Я хлопнул Уильяма по плечу и указал в ту сторону.

Мы быстро собрали монеты в кошель, и я спрятал его в свою суму. В лесу раздался крик – мне показалось, что плачет ребенок. Мы сошли с дороги, ведущей к моему дому, и стали подниматься вверх по холму. Дорога была крутой, но огромные, покрытые мхом валуны и толстые стволы деревьев надежно скрывали нас от чужих глаз. Поднявшись повыше, мы увидели хижину под соломенной крышей. Мы укрылись за толстым стволом поваленного дерева, чтобы осмотреться.

– Почему мы идем навстречу опасности? – шепотом спросил Уильям.

– Ты же слышал крик. Кому-то нужна наша помощь...

– Еще одно твое доброе дело?

Я жестом остановил его, и тут мы снова услышали крик ребенка – мальчика.

– Нет! Нет! Не надо!

– Просто свяжите ему руки, – произнес низкий мужской голос.

Я посмотрел на Уильяма.

– Знаешь, что я думаю? Мы можем провести остаток нашей короткой жизни в поисках безопасного убежища, переходя из одного укрытия в другое. Но мы можем делать то, что будет правильно – везде, где бы мы ни оказались.

– Ты – прямо рыцарь короля Артура!

– Нет, я – безработный каменщик и ничего больше... Ты же сам сказал...

Не успел я закончить предложения, как мы услышали девичий крик, который тут же оборвался. Я ползком обогнул дерево, за которым мы прятались, и стал подниматься наверх, прячась за голыми деревьями. Я слышал, что Уильям последовал за мной.

Перед домом виднелась вытоптанная площадка. С одной стороны находился свинарник и небольшой загон для овец. К изгороди были привязаны пять лошадей. От их дыхания в морозном воздухе поднимался пар. Красивый черный жеребец был достоин истинного лорда. Двое крепких мужчин среднего возраста, вооруженных мечами, пытались связать руки темноволосому мальчишке лет одиннадцати. Он отчаянно сопротивлялся. За их борьбой наблюдали двое других – на одном была серая с голубым туника, на другом – кожаный колет и красная накидка. Я разглядел на накидке белую нашивку на груди: герб семейства Фулфордов.

Земли Фулфордов находились за рекой, близ Дансфорда. В наши времена Фулфорды вечно досаждали Мортону. Они ломали изгороди, охотились на чужих оленей и воровали скот – и в этом им помогал наш главный злодей, ректор Мортон, Филипп де Воторт. Остановить их было некому. Лорды соседних поместий жили вдали, а их землями управляли бейлифы, которые собирали все платежи. Фулфорды и де Воторт могли делать все, что им захочется.

Один из мужчин швырнул мальчишку на землю.

– Преподай ему урок, Уолт, – сказал он тем самым низким голосом, что мы уже слышали.

Он напоминал монаха лет сорока, но на его коричневой тунике красовался ливрейный знак: белая нашивка на красном фоне.

Мужчина наступил ногой на грудь мальчика.

Уолт, сморщившись, потащил мальчика на веревке прямо по мерзлой земле сначала в одну сторону, потом в другую. На обратном пути он бросил конец веревки лысому мужчине, тот перекинул ее через толстую ветку и вздернул мальчишку в воздух. Мальчик повис, привязанный за руки. Он извивался, лягался, задыхался.

Светловолосый человек в серо-голубой тунике засмеялся. Он был меньше остальных. На груди его тоже красовался знак Фулфордов.

Человек в красной накидке подобрал камень и швырнул его в мальчика, попав тому прямо в лицо.

– Попал! – воскликнул он.

Дверь дома распахнулась. Оттуда вышел плотный мужчина в богатой черной мантии. Он подошел к висящему мальчишке и толкнул его. Мальчик закрутился в воздухе.

– Твоя сестра меня удовлетворила, – хрипло прорычал мужчина. – Теперь твоя очередь. Где деньги твоего отца?

Мальчик ничего не ответил.

Мужчина сделал шаг вперед и положил руку на плечо стоявшего рядом лысого слуги.

– Теперь твоя очередь, Джон, – сказал он. – Только не попорти ее – мне нравится ее гладкая кожа.

– Фулфорд, – прошептал я.

– Прошло девяносто девять лет, – ответил Уильям, – а это семейство так и продолжает бесчинствовать.

Фулфорд приблизился к мальчику, держа руку на рукояти меча.

– Ты, конечно, считаешь меня тираном и все такое... И ты прав. Я действительно тиран – и действительно все такое... Поэтому скажи, где твой отец прячет деньги, и тогда, когда мы все развлечемся на славу с твоей сестрой, мы опустим тебя на землю и оставим в покое.

Я не смог сдержаться. Возможно, я еще как-то пережил бы жестокость по отношению к мальчику. Может быть, я смог бы смириться и с насилием по отношению к девочке. Но насилие по отношению к двум детям было невыносимо. Я поднялся и подошел к дому. Сердце у меня билось, словно на поле боя. Я даже не подумал спрятать свою суму.

– Оставь его в покое! – крикнул я. – У тебя нет права мучить этих людей.

Фулфорд повернулся ко мне.

– Посмотрите-ка, кто это! Воин Господа? Спаситель детей? Или тот, кому тоже захотелось девичьего тела? Жди своей очереди. Когда мы закончим, тебе тоже что-нибудь перепадет. Даже если ты ночевал в навозной куче...

– Спусти его на землю!

– НЕ приказывай, что мне делать, деревенщина!

– Спусти его на землю – или это будет твой последний день на земле!

– И как ты собираешься убить меня, а? Ты вытащишь свой нож, повалишь меня и зарежешь, как свинью, на глазах моих людей? Или пернешь так, что меня унесет отсюда ветром? Если уж ты угрожаешь мне, то у тебя должна быть подмога. Готовься к драке, мужлан!

– Я готов к драке!

– И чем же ты будешь драться?

– Знанием, дарованным мне дьяволом в Скорхилле. Я знаю, что не умру сегодня!

Фулфорд нахмурился, пытаюсь сообразить, смеяться ли над моими словами или остерегаться нечистой силы. И тут внимание его переключилось на кого-то позади меня.

– Он не один, – произнес Уильям, направляясь к привязанным у ограды лошадям. – Сегодня на его стороне сам дьявол, а на моей – Бог.

Он отвязал большого черного жеребца.

– Жизнь полна сюрпризов, – сказал Уильям, хватая поводья и вскакивая в седло. – Если хочешь вернуть лошадку, тебе придется меня догнать.

И с этими словами он поскакал по тропинке.

– Хватайте его! – заорал Фулфорд, и его прислужники бросились к лошадям.

На шум из дома вышел Джон, завязывая штаны.

– Нет, – приказал Фулфорд. – Джон, Том, вы оставайтесь здесь. Роб и Уолт разберутся. – Он повернулся в сторону погони и крикнул: – И притащите его сюда, на коленях.

Теперь он обращался ко мне:

– Ну, если дьявол на твоей стороне, то он встретил достойного противника.

– Сколько должен тебе отец мальчика? – спросил я. – Скажи, и я заплачу.

– Мы ничего ему не должны, – прохрипел мальчик, все еще висевший на дереве.

– Тогда я не стану тебе платить, – сказал я.

Фулфорд вытащил меч и повернулся к мальчику. Голые ноги мальчишки болтались в воздухе, и Фулфорд рубанул по ним изо всей силы. Мальчик закричал от боли. Он кричал, пока были силы, а потом лишь всхлипывал, раскачиваясь в воздухе. Кровь текла прямо в его ботинки и капала на землю.

Фулфорд направил острие меча на меня.

– Ты отдашь мне все, что у тебя есть, – сказал он, стремительно бросаясь ко мне. – Твой друг тебя бросил. Если раньше ты был не один, то теперь все изменилось. Нас трое против одного.

Я отступил, поднимая суму, чтобы отразить удар меча, и огляделся в поисках помощи. Но рядом не было ничего и никого.

В дверях дома показалась темноволосая девочка лет четырнадцати. Она прислонилась к двери, уставившись на нас. Я надеялся, что она сделает что-нибудь, чтобы отвлечь Фулфорда, но она не двигалась. Я смотрел то на нее, то на меч и медленно отступал. Подручные Фулфорда наблюдали за нами: Джон стоял возле мальчика, Том – у лошадей. Похоже, эта сцена их забавляла.

Фулфорд бросился вперед, я уклонился вправо, одновременно оглядываясь вокруг в поисках оружия. У меня был нож, но это слабая защита от меча. Фулфорд нацелился на мою правую руку, я ушел влево. Он повторил выпад со злобной улыбкой. Отступая, я споткнулся и с трудом удержался на ногах. Глаза Фулфорда блеснули. Подобно лисе, которая выслеживает кролика, он чувствовал, что победа – всего лишь вопрос времени.

Следующий его выпад был смертельно опасен. Он нацелился прямо мне в лицо, я инстинктивно поднял суму, чтобы парировать удар, но она была слишком тяжела. Фулфорд мгновенно изменил направление удара и теперь целился прямо мне в живот. Избежать удара мне удалось лишь чудом – я отпрыгнул назад, упал и быстро откатился вправо. Сума выпала у меня из рук, но убить меня Фулфорду не удалось. Я услышал глухой звук, словно камнем ударили о камень. Фулфорд резко обернулся. Том в красной накидке повалился на землю. Уильям вернулся. Я видел, как он отбрасывает камень, которым только что раскроил Тому череп, и выхватывает у того меч. Фулфорд и Джон бросились к нему, но Уильям оказался быстрее. Теперь уже Фулфорду пришлось следить за острием нацеленного на него меча. Джон предусмотрительно отступил. Уильям двинулся ко мне.

Всадники, преследовавшие Уильяма, вернулись с лошадью своего лорда. Они молча спешили, не ожидая увидеть ничего подобного. Лошадей они привязали к дереву, где висел истекавший кровью мальчик.

Фулфорд и его люди стояли прямо напротив нас. Теперь они все обнажили мечи.

– Том! – крикнул Фулфорд. Но упавший слуга не шевелился. – Посмотрите, он убит?

Джон склонился над телом и приложил ухо к его рту.

– Он жив.

– Убирайся, Фулфорд, и забирай своего человека, – крикнул Уильям. – Я отпущу вас. Но если вы останетесь, пощады не ждите. – Мне он прошептал: – Готовься бежать. Беги наверх, в лес. Я встречу тебя у скал Хингстон.

Фулфорд перевел взгляд на девочку, все еще стоявшую в дверях. Мальчишка все еще болтался на дереве, Том не подавал признаков жизни.

– Ты думаешь, что герой? – прокричал он. – Посмотрим, что ты за герой. – Он указал на Уильяма. – Даю пять фунтов тому, кто принесет мне его голову. Двадцать шиллингов за его спутника-доходягу. И суму его мне тоже принесите.

Мы с Уильямом не стали дожидаться нападения. Мы повернулись и бросились бежать через лес.

Мерзлая земля была твердой, но ноги тонули в ворохах осенней листвы. Я искал корни, чтобы опереться на крутом склоне, пригибался и цеплялся за низкие ветки. Мысль о том, что судьба гарантировала нам шесть дней жизни, казалась мне безумно глупой.

– Беги туда, направо, – крикнул Уильям и свернул налево.

Я бросился направо. Оглянувшись через плечо, я заметил, что подручный Фулфорда в серо-голубой тунике бежит за мной. Но я всегда был хорошим бегуном и в свое время мог обогнать любого. Даже сума не была мне помехой. Я досконально знал этот край, несмотря на прошедшие годы. Преследователь отстал. И очень скоро я уже бежал по лесу на юг в полном одиночестве, подальше от Хингстона.

Я свернул, спустился на дорогу и стал карабкаться на противоположный холм. Здесь я перевел дух и побрел между деревьями на север. Примерно через полчаса я увидел на дороге Фулфорда с его людьми. Том, похоже, пришел в себя, потому что всадников было пятеро. Но они забрали девочку – она сидела на лошади позади Джона. Я спустился и последовал за ними на безопасном расстоянии, чтобы убедиться, что они возвращаются в Фулфорд.

Когда я добрался до скал Хингстона, Уильям ждал меня, сидя на камне. Судя по всему, он не пострадал.

– Ты от него убежал? – спросил он.

– Да.

– Мне пришлось остановиться и сразиться с ними. Лысого я обезоружил, и тот сбежал вместе со своим безобразным дружкой. Клянусь, они никогда не сражались. У меня есть подарок для тебя.

Он протянул мне меч Джона. Я заметил на лезвии несколько царапин.

– И это подарок? А где ножны? Только не говори, что ты забыл ножны!

Уильям усмехнулся.

– Поищу на болотах. Пустошь всегда казалась мне местом скучным. Но ты называл ее «Божьим творением в его чистом виде». Мне это понравилось. Хотя надо сказать, что за эти годы она слегка изменилась. Всего девять лет прошло, а вокруг появилось столько стен и изгородей.

– Пустошь осталась прежней...

– Но она изменилась. Мы смотрим на нее глазами двух умирающих.

– Мы еще не на кладбище.

– Да, пока нет... Я просто так...

Я посмотрел вниз, на церковь. Никто из живущих не знает, где похоронены моя жена и дети. Если Кэтрин снова вышла замуж, она, наверное, лежит со своим вторым мужем. Но я знал, что они должны быть где-то там.

– Я хочу спуститься туда, – сказал я.

– Ты упрямец, – усмехнулся Уильям. – Жизнь тебя ничему не научила. Миру нет дела до твоих добрых деяний. Пока я тебя ждал, я думал о том доме, где мы только что побывали. Девочка... Она не хотела, чтобы мы ей помогали. Я видел слезы на ее лице, когда она стояла в дверях. Да, они ее изнасиловали, но она ничего не сказала и не сделала. Она не попыталась бежать. Слово все это уже случалось прежде и случится снова. И лучше всего просто принять все происходящее. А потом мы вмешались, напали на Фулфорда и его людей. И крестьянские дети за это расплатились.

– Они забрали ее с собой. Я видел их на дороге.

– А когда их отец вернется домой... Господи Иисусе...

Я вздохнул.

– Я хочу пожертвовать книгу Лазаря церкви. Ты идешь со мной?

Уильям поднялся.

– Конечно. Хотя бы для того, чтобы выяснить, что в это время не так.

* * *

Через час мы уже шагали по монастырскому полю к церкви. И тут сзади нас кто-то окликнул.

– Вы двое выглядите так, словно вас волочили по скотному двору. Что, ради всего святого, привело вас в наш город?

Оглянувшись, мы увидели высокого, худого человека. На нем была широкая черная ряса и белый стихарь с черным капюшоном, лежавшим на плечах. Ряса была подпоясана веревкой. Мужчина был одет точно так же, как в наши дни одевался Филипп де Воторт. На голове его мы заметили тонзуру, как у священника. Но его поведение показалось мне странным. Голос этого человека был властным и решительным, но я не чувствовал в нем угрозы. Карие глаза на худом лице пристально смотрели на нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Горячий напиток из подслащенного молока с пряностями, створоженного вином или элем (примеч. пер.).

2

Деталь головного убора (обычно академической шапочки (примеч. пер.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/mortimer_yan/zalozhniki-vremeni

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)